

СТИВЕН КИНГ



Будет кровь

Стивен Кинг

Будет кровь

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63062882

Будет кровь:

Аннотация

Стивен Кинг – писатель, любящий традиции. И одна из самых прекрасных и почитаемых миллионами его фанатов традиций – это публикация сборников, неизменно состоящих из четырех повестей. Так, мы все хорошо знакомы с книгами «Четыре сезона», «Четыре после полуночи», «Тьма, – и больше ничего».

И на сей раз Стивен Кинг представляет читателям именно такой сборник, где каждое произведение погружает нас в свою неповторимую и загадочную атмосферу.

В заглавной повести **«Будет кровь»** полюбившаяся многим героиня «Чужака» и трилогии «Мистер Мерседес» Холли Гибни после ужасного взрыва в школе понимает, что в мире существуют и другие монстры, подобные Чужаку, но на этот раз ей предстоит встретиться со Злом один на один.

«Телефон мистера Харригана» – трогательная история дружбы мальчика и пожилого миллионера.

В повести **«Жизнь Чака»** Мастер размышляет о значимости человеческой жизни.

Финальная новелла **«Крыса»** повествует о сделке, заключенной между писателем и весьма необычным существом.

Содержание

Телефон мистера Харригана	5
Жизнь Чака	145
Акт III: Спасибо, Чак!	145
Конец ознакомительного фрагмента.	154

Стивен Кинг

Будет кровь

Памяти Рассы Дорра

Мне тебя не хватает, шеф

Телефон мистера Харригана

Городок, где я родился и вырос, был по сути большой деревней с населением примерно в шестьсот человек (и таким и остался, просто я оттуда уехал), но у нас был Интернет, как в больших городах, и мы с папой получали все меньше и меньше бумажной почты. Обычно наш почтальон, мистер Недью, приносил только еженедельный «Тайм», рекламные листовки с обращением «Жильцу» или «Нашим милым соседям» и ежемесячные счета. Но начиная с 2004 года, когда мне исполнилось девять и я начал работать на мистера Харригана в доме на холме, я мог рассчитывать как минимум на четыре конверта в год, подписанных от руки и адресованных лично мне. Четыре открытки: на День святого Валентина в феврале, на мой день рождения в сентябре, на День благодарения в ноябре и на Рождество в декабре, либо перед самым праздником, либо сразу после. В каждую открытку был вложен долларовый билет моментальной лотереи штата Мэн, и

подпись всегда была одной и той же: *С наилучшими пожеланиями от мистера Харригана*. Вот так незатейливо и официально.

Реакция папы тоже всегда оставалась одной и той же: он добродушно смеялся, закатив глаза.

– Какой же он жмот, – сказал папа однажды. Мне тогда было одиннадцать лет, и открытки с лотерейными билетами приходили уже года два. – Платит тебе за работу гроши, а премиальные выдает билетами «Везунчика», которые в «Хо-уи» раздают бесплатно в придачу к покупке.

Я ответил, что хотя бы один из четырех ежегодных билетов обычно выигрывал пару долларов. Когда это случалось, выигрыш за меня забирал папа, потому что несовершеннолетним не разрешалась играть в лотерею, пусть даже билеты иногда раздавали бесплатно. Однажды мне повезло покрупному, и я выиграл целых пять долларов. Я попросил папу купить на них пять лотерейных билетов по доллару. Он отказался, заявив, что не станет потакать моей тяге к азартным играм, иначе мама перевернется в могиле.

– Хватит нам и того, что это делает мистер Харриган, – сказал он. – К тому же он мог бы платить тебе по *семь* долларов в час. А то и все восемь. Уж он-то может себе это позволить. Пять долларов в час – это, может, и законно, поскольку ты еще ребенок, но смахивает на эксплуатацию детского труда.

– Мне нравится у него работать, – возразил я. – И *он сам*

мне нравится, пап.

– Это понятно, – ответил папа. – И хотя то, что ты читаешь ему книжки вслух и поливаешь цветы на клумбах, не делает тебя Оливером Твистом двадцать первого века, но он все равно жмот, каких поискать. Меня удивляет, что он тратится на марки, чтобы отправлять открытки по почте, хотя живет в четверти мили от нас.

Мы сидели на нашей открытой веранде и пили «Спрайт». Папа показал пальцем на дорогу (грунтовку, как большинство улиц в Харлоу), ведущую на вершину холма, к дому мистера Харригана. Это был даже не дом, а настоящий особняк, с закрытым бассейном, зимним садом, стеклянным лифтом, на котором я *обожал* ездить вверх-вниз, и теплицей на заднем дворе, разбитой в том месте, где раньше располагалась маслобойня (я тогда еще даже и не родился, но папа ее помнил).

– Ты же знаешь, какой у него артрит, – сказал я. – Теперь он иногда ходит не с одной палочкой, а с двумя. Прогулка в четверть мили его убьет.

– Ты все равно к нему ходишь почти каждый день. Он мог бы вручать тебе эти дурацкие открытки лично в руки, – проворчал папа. В его словах не было злобы; он просто дразнил меня. Они с мистером Харриганом прекрасно ладили. Папа ладил со всеми в Харлоу. Наверное, поэтому он и был таким хорошим торговым агентом.

– Это будет уже не то, – сказал я.

– Почему?

Я не мог объяснить. У меня был обширный словарный запас (благодаря тому, что я много читал), но скудный жизненный опыт. Мне просто нравилось получать эти открытки по почте, ждать их с нетерпением, стирать защитный слой с лотерейных билетов – я всегда соскребал его моей «счастливой монеткой» в десять центов. Мне нравилась подпись, нравился старомодный витиеватый почерк: *С наилучшими пожеланиями от мистера Харригана*. Теперь, уже задним числом, мне на ум приходит слово «церемонный». В его поведении действительно было что-то церемонное. Он непременно повязывал тонкий черный галстук, когда мы с ним ездили в «Ай-Джи-Эй» за продуктами, хотя он обычно сидел в машине, за рулем своего старого, практичного «форда», и читал «Файнэншл таймс», пока я ходил в магазин, чтобы купить все по списку. В этом списке неизменно присутствовали хэш из солонины и дюжина яиц. Мистер Харриган утверждал, что, достигнув определенного возраста, человек вполне может прожить только на яйцах и солонине. Когда я спросил, какого именно возраста, он ответил: шестидесяти восьми лет.

– Когда человеку исполняется шестьдесят восемь, ему уже не нужны витамины.

– Правда?

– Нет. Я говорю это лишь для того, чтобы оправдать свои дурные привычки в еде. Ты же вроде заказывал спутниковый

радиоприемник для этой машины, Крейг?

– Да.

Я заказал этот приемник из дома, с папиного компьютера, потому что у мистера Харригана компьютера не было.

– Ну, и где же прием? Я каждый раз попадаю на этого пу-
стозвона Лимбо.

Я показал ему, как переключиться на спутниковый диапазон. Он вертел ручку настройки, «пролистав» сотню каналов, пока не нашел станцию, специализирующуюся на кантри. Там играла песня «Stand By Your Man».

От этой песни меня до сих пор пробирает дрожь, и, наверное, так будет всегда.

В тот день, на одиннадцатом году моей жизни, когда мы с папой сидели у нас на веранде, пили «Спрайт» и смотрели на большой дом на холме (все жители Харлоу именно так его и называли; а иногда еще, в шутку, казенным домом, словно это была тюрьма Шоушенк), я сказал:

– «Черепашья» почта – это круто.

Папа закатил глаза.

– *Электронная* почта, вот что действительно круто. И мобильные телефоны. Мне они кажутся чудом. Ты молодой, не поймешь. Если бы ты вырос со спаренным телефоном на пять домов – включая дом миссис Эдельсон, которая болтала часами, – ты бы почувствовал разницу.

– Пап, а когда мы купим мне мобильный телефон?

Этот вопрос в последний год я задавал ему постоянно, особенно после того, как в продажу поступили первые айфоны.

– Когда я решу, что ты уже достаточно взрослый.

Теперь уже я закатил глаза, и папа рассмеялся. Но потом вдруг посерьезнел.

– Ты вообще представляешь, насколько богат Джон Харриган?

Я пожал плечами.

– Я знаю, что раньше он владел какими-то заводами.

– Не только заводами. Пока Джон Харриган не ушел на покой, он был большой шишкой в концерне «Оук энтерпрайз». Концерну принадлежала судоходная линия, несколько крупных торговых центров, сеть кинотеатров, телекоммуникационная компания и еще много всего. Среди игроков «большого табло» «Оук энтерпрайз» был одним из крупнейших.

– Что такое «большое табло»?

– Фондовая биржа. Азартные игры богатых людей. Когда Харриган продал свои активы, об этой сделке писали в «Нью-Йорк таймс», и не просто в бизнес-разделе, а на первой странице. Этот дедуля, который ездит на шестилетнем «форде», живет в нашей дремучей глуши, платит тебе пять долларов в час и четырежды в год дарит по лотерейному билету ценой в один доллар, сидит на денежном мешке, а в мешке уж точно не меньше миллиарда долларов. – Папа улыбнулся. – И мой самый страшный костюм, который наверняка ужаснул

бы твою маму, будь она жива... Так вот, даже это убожество лучше, чем тот костюм, который он носит в церковь.

Это была интересная информация. Особенно меня поразила мысль, что мистер Харриган, у которого нет ни компьютера, ни телевизора, когда-то владел телекоммуникационной компанией и сетью кинотеатров. Я мог бы поклясться, что он ни разу в жизни не был в кинотеатре. Он был из тех, кого мой отец называл луддитами, имея в виду людей, которые (помимо прочего) не признают современные гаджеты. Спутниковое радио для машины было единственным исключением, потому что мистер Харриган любил музыку кантри и его бесила реклама на Дабл-ю-оу-экс-оу, единственной радиостанции кантри и вестерна, которую ловил его старый приемник.

– Ты знаешь, что такое миллиард, Крейг?

– Сто миллионов?

– Бери выше. *Тысяча* миллионов.

– Ого! – сказал я, но лишь потому, что тут просилось «ого». Я мог представить себе пять баксов и даже пятьсот: именно столько стоил подержанный мотороллер на распродаже на Дип-Кат-роуд, о котором я грезил в мечтах (ведь мечтать не вредно). Теоретически я мог представить себе пять тысяч долларов. Примерно столько мой папа получал в месяц как торговый агент фирмы «Пармело: трактора и тяжелая техника» в Гейтс-Фоллзе. Папина фотография постоянно висела на доске почета в рубрике «Лучший менеджер по продажам за прошлый месяц». Он говорил, что это ерун-

да, но я знал: ему приятно. Каждый раз, когда его объявляли лучшим торговым агентом месяца, мы с ним ужинали в «Марселе», дорогом ресторане французской кухни в Касл-Роке.

– «Ого» – это верно замечено, – сказал папа и поднял стакан со «Спрайтом», салютуя дому на холме, дому с множеством комнат, большинство из которых практически не использовались, и стеклянным лифтом, который мистер Харриган ненавидел, но которым был вынужден пользоваться из-за артрита и ишиаса. – Чертовски верно.

Прежде чем рассказать о своем крупном выигрыше в лотерею, о смерти мистера Харригана и о проблемах с Кенни Янко, начавшихся в первый же день в новой школе в Гейтс-Фоллзе, я расскажу, как вообще получилось, что я стал работать на мистера Харригана. Мы с папой ходили в Первую методистскую церковь Харлоу, на самом деле *единственную* методистскую церковь у нас в городке. В Харлоу была еще и баптистская церковь, но она сгорела в 1996-м.

– Кто-то запустил фейерверк, чтобы отпраздновать рождение ребенка, – сказал папа. Мне тогда было года четыре, но я это запомнил. Может быть, потому, что меня очень интересовали фейерверки. – Мы с мамой решили, что пошло оно все к чертям, и спалили *целую церковь* в твою честь, Крейгстер. Полыхало, надо сказать, изрядно.

– Не надо так говорить, – вмешалась мама. – А то он по-

верит и тоже спалит какую-нибудь церковь, когда у него самого родится ребенок.

Они часто дурачились и шутили, и я смеялся, хотя понимал далеко не все шутки.

В церковь мы ходили все вместе, втроем. Зимой у нас под ногами скрипел утоптаный снег, летом из-под нарядных туфель летела пыль (прежде чем войти в церковь, мама всегда протирала обувь бумажной салфеткой), я шагал между мамой и папой, и они держали меня за руки, папа – слева, а мама – справа.

У меня была очень хорошая мама. Я по-прежнему жутко по ней скучал в 2004 году, когда начал работать на мистера Харригана, хотя тогда она была мертва уже три года. Я скучаю по ней и теперь, шестнадцать лет спустя, хотя ее лицо почти стерлось из памяти, и фотографии не помогают освежить воспоминания. Как поется в той песне о детях без матери, без нее очень плохо. И это правда. Я любил папу, мы с ним всегда хорошо ладили, но, как опять же поется в той песне, папы многого не понимают. Им не придет в голову сплести венок из ромашек, собранных на лугу за домом, надеть его на тебя и сказать: сегодня ты не просто маленький мальчик, сегодня ты король Крейг. Или гордиться тобой, но при этом не делать из мухи слона – не хвастаться перед знакомыми и все такое, – когда ты в три года сам начинаешь читать комиксы про Супермена и Человека-паука. Или прийти к тебе в комнату посреди ночи и прилечь с тобой рядом,

когда ты просыпаешься после кошмарного сна, в котором за тобой гнался Доктор Осьминог. Или обнять тебя и сказать: нет ничего страшного в том, что какой-то большой мальчишка – например, Кенни Янко – тебя побил.

Мне так не хватало ее объятий в тот день. Мамино объятие в тот день могло бы многое изменить.

Я научился читать в три года, но никогда не хвалился своим умением. И я искренне благодарен родителям за то, что они с малых лет научили меня одному важному правилу: если у тебя есть какой-то талант, это не значит, что ты чем-то лучше всех остальных. Однако слух разнесся по округе, как это всегда бывает в маленьких городках, и когда мне было восемь, преподобный Муни спросил, не хочу ли я почитать Библию на его проповеди в следующее воскресенье. Наверное, идея о восьмилетнем чтеце привлекла его своей новизной; обычно эта почетная обязанность доставалась кому-то из старшеклассников или старшеклассниц. В то воскресенье я читал отрывок из Евангелия от Марка, и после службы преподобный Муни похвалил меня и сказал, что я справился на отлично и он был бы рад, если бы я согласился читать каждое воскресенье.

– Он говорит: «И дитя поведет их», – сказал я папе. – Это из Книги пророка Исаии.

Папа хмыкнул, как будто ни капельки не впечатлившись. Потом кивнул:

– Хорошо, только помни, что ты не послание, а посланец.

– В каком смысле?

– Библия – слово Божие, а не слово Крейгово, так что не слишком-то задавайся.

Я сказал, что не буду, и в течение следующих десяти лет – пока я не уехал в университет, где научился курить травку, пить пиво и ухлестывать за девчонками, – я читал отрывки из Библии на воскресных проповедях. Преподобный Мунни сообщал мне заранее, что надо будет читать в следующее воскресенье, какую главу из какой книги. Каждый четверг, на вечерних собраниях Клуба юных методистов, я показывал ему список слов, которых не знал. В результате я был, наверное, единственным человеком во всем штате Мэн, который мог не только с ходу произнести имя «Навуходоносор», но и написать его без ошибок.

Один из самых богатых людей Америки переехал в Харлоу года за три до того, как я начал нести слово Божье старшим братьям и сестрам по вере. Иными словами, в самом начале двадцать первого века, сразу после того, как продал свои компании и ушел на покой, и еще до того, как большой дом на холме был окончательно перестроен (бассейн, лифт и мощеная подъездная дорожка появились позднее). Мистер Харриган посещал церковь каждое воскресенье, одетый в свой неизменный поношенный черный костюм с брюками, обвисшими на задуге, всегда при галстуке, черном и по-старо-

модному узком, всегда аккуратно причесанный. В остальные дни недели его редющие седые волосы торчали во все стороны, как у Альберта Эйнштейна после напряженного дня, посвященного расшифровке тайн космоса.

Тогда он ходил только с одной тростью, на которую опирался, когда вставал петь гимны. Слова этих гимнов я, наверное, буду помнить до конца своих дней... и от той строки из «Старого тяжкого креста», где говорится о реках воды и крови, текущих из ран Христа, меня будет всегда пробирать озноб, как и от последней строки песни «Stand By Your Man», на которой Тэмми Уайнетт выворачивает наизнанку всю душу. Мистер Харриган на самом деле не пел в полный голос – что хорошо, потому что голос у него был противный, скрипучий, как будто ржавый, – а лишь раскрывал рот. Как и мой папа.

В одно из воскресений осенью 2004-го (все деревья в наших краях полыхали ослепительным буйством красок) я читал отрывок из Второй книги Самуила¹, выполняя свою обычную работу по передаче послания, которое сам едва понимал, но знал, что его разъяснит преподобный Муни в своей проповеди: «Краса твоя, о Израиль, поражена на высотах твоих! Как пали сильные! Не рассказывайте в Гефе, не возвещайте на улицах Аскалона, чтобы не радовались дочери Филистимлян, чтобы не торжествовали дочери необрезанных».

¹ В православной традиции эта книга называется Второй книгой Царств. – *Здесь и далее примеч. пер.*

Когда я сел на скамью, папа похлопал меня по плечу и шепнул мне на ухо: «Ты шикарно читал». Мне пришлось прикрыть рот рукой, чтобы спрятать улыбку.

* * *

На следующий день, уже вечером, когда мы заканчивали мыть посуду после ужина (папа мыл, я вытирал все насухо и ставил в буфет), к нашему дому подъехал «форд» мистера Харригана. Его трость застучала по ступеням крыльца, и папа открыл дверь еще прежде, чем гость позвонил. Мистер Харриган отказался идти в гостиную и сел с нами на кухне, как член семьи. Папа предложил ему «Спрайта». Он взял бутылку, но не стал брать стакан.

— Буду пить прямо из горлышка, как пил мой отец.

Будучи деловым человеком, он сразу перешел к делу. Если мой папа не против, сказал мистер Харриган, он хотел бы нанять меня на работу: читать ему вслух два или, может быть, три часа в неделю. За это он будет платить мне пять долларов в час. Также он может предложить мне работу еще на три часа в неделю. В основном это работа в саду, но иногда надо будет и что-нибудь сделать по дому, например, расчистить крыльцо от снега зимой и по необходимости вытереть пыль.

Двадцать пять, может быть, даже тридцать долларов в неделю, причем половина из них — за чтение, что я согласил-

ся бы делать бесплатно! Я не верил своему счастью. Я тут же подумал, что можно начать копить на мотороллер, хотя права на него я смогу получить только через семь лет.

Это было слишком хорошо, чтобы быть правдой, и я боялся, что папа не разрешит, но он разрешил.

– Только не давайте ему ничего провокационного, – сказал папа. – Никакой скандальной политики, никакого чрезмерного насилия. Он читает, как взрослый, но ему всего девять, причем только недавно исполнилось.

Мистер Харриган заверил его, что ничего такого не будет, потом отпил еще «Спрайта» и причмокнул сухими губами.

– Читает он хорошо, но это не основная причина, по которой я нанимаю его на работу. Он не *бубнит*, даже когда не понимает, о чем читает. По-моему, это весьма примечательная способность. Не выдающаяся, но примечательная.

Он поставил бутылку на стол и наклонился вперед, сверля меня пристальным взглядом. Я часто видел, как его глаза поблескивали ироничным весельем, но очень редко – как они светились теплотой, и в тот вечер в 2004 году в них тоже не было тепла.

– Насчет твоего вчерашнего чтения, Крейг. Ты знаешь, что значит «дочери необрезанных»?

– Вообще-то нет, – сказал я.

– Я так и подумал, но ты все равно выбрал правильный тон гнева и скорби. Кстати, ты знаешь, что такое «скорбь»?

– Когда горюют и плачут.

Он кивнул.

– Но ты не переборщил с чувством. Ты не переиграл. У тебя получилось как надо. Чтец – не создатель, он просто гонец, передающий послание. Преподобный Муни помогает тебе с произношением незнакомых слов?

– Да, сэр. Иногда.

Мистер Харриган отпил еще «Спрайта» и поднялся, тяжело опираясь на трость.

– Скажи ему в следующий раз, там в начале должен быть *Секе-лаг*, а не *Саки-лаг*. Получилось непреднамеренно смешно, но у меня не очень хорошее чувство юмора. Ну, что, устроим пробную читку? В среду, в три часа дня. Ты уже вернешься из школы?

Уроки в начальной школе Харлоу заканчивались в половине третьего.

– Да, сэр. К трем я успею.

– И, скажем, до четырех? Или это уже поздно?

– Нормально, – сказал папа, явно ошарашенный происходящим. – Обычно мы ужинаем в шесть вечера. И я заодно смотрю новости.

– У вас не бывает от них несварения желудка?

Папа рассмеялся, хотя мне показалось, что мистер Харриган не шутил.

– Временами бывает. Я не особый поклонник мистера Буша.

– Он, конечно, дурак, – согласился мистер Харриган, – но

ему хотя бы хватает ума окружать себя знающими людьми. Стало быть, в среду, в три часа дня, Крейг, и смотри, не опаздывай.

– И без пикантных подробностей, – сказал папа. – Ему пока рано такое читать.

Мистер Харриган дал честное слово, что ничего такого не будет, но у бизнесменов свой кодекс чести, и всякое данное слово можно забрать обратно, поскольку слово дается бесплатно. Никаких пикантных подробностей уж точно не было в «Сердце тьмы», первой книге, которую я прочел ему вслух. Когда мы закончили, мистер Харриган спросил, много ли я понял из прочитанного. Он не пытался меня поучать; ему просто было любопытно.

– Не очень много, – сказал я. – Но этот Куртц, он совсем сумасшедший. Это сразу понятно.

Никаких пикантных подробностей не было и в следующей книге: «Сайлес Марнер». На редкость занудный роман, по моему скромному мнению. Однако третья книга, «Любовник леди Чаттерлей», безусловно, стала для меня откровением. Я познакомился с Констанцией Чаттерлей и ее пылким егерем в 2006 году. Мне было десять. Прошло столько лет, но я до сих пор помню все слова «Старого тяжелого креста» и ту сцену, где Меллорс ласкает леди Чаттерлей и шепчет: «Славно-то как!» Всякому мальчику стоило бы поучиться такому обращению с женщиной и стоило бы это запомнить.

– Ты понимаешь, о чем сейчас прочитал? – спросил у меня

мистер Харриган после одного особенно жаркого эпизода. Опять же, чисто из любопытства.

– Нет, – сказал я, но это была не совсем правда. То, что происходило в лесу между Олли Меллорсом и Конни Чаттерлей, я понимал лучше, чем то, что происходило между Марлоу и Куртцем в Бельгийском Конго. Секс понять трудно – эту истину я усвоил еще до того, как поступил в университет, – но понять безумие еще труднее.

– Хорошо, – сказал мистер Харриган. – Но если твой папа спросит, что мы читаем, предлагаю сказать: «Домби и сына». Тем более они у нас следующие на очереди.

Папа меня не спросил – по крайней мере, насчет *этой* книги, – и я вздохнул с облегчением, когда мы перешли к «Домби и сыну». (Помню, это был первый взрослый роман, который по-настоящему мне понравился.) Мне не хотелось врать папе, мне было бы стыдно и очень неловко, а вот мистер Харриган, я даже не сомневаюсь, мог бы соврать не моргнув глазом.

Мистер Харриган нанял меня читать ему вслух, потому что его глаза быстро уставали от чтения. Вряд ли ему было так уж необходимо, чтобы я пропалывал грядки в саду; Пит Боствик, садовник, который косил его огромную лужайку, справился бы с прополкой гораздо быстрее и лучше меня. А Эдна Гроган, домработница мистера Харригана, точно не отказалась бы вытирать пыль с его обширной коллекции ан-

тикварных снежных шаров и стеклянных пресс-папье, но это была моя работа. Мне кажется, ему просто нравилось, что я был рядом. Он не говорил мне об этом, сказал лишь однажды, незадолго до смерти, но я это знал. Я только не знал почему, и до сих пор не уверен, что знаю.

Однажды вечером, когда мы возвращались домой после ужина в «Марселе» в Касл-Роке, папа внезапно спросил:

– Харриган не пытается тебя трогать?

Я был совсем пацаном, у которого, как говорится, молоко на губах не обсохло, но я понял, о чем спросил папа; нам говорили о потенциальных «опасностях, связанных с незнакомцами» и «неприемлемых прикосновениях» еще в третьем классе.

– В смысле, не пытается ли он меня щупать за все места? Нет! Господи, папа, он не *голубой*.

– Хорошо. Не сердись, Крейгстер. Я должен был спросить. Потому что ты часто у него бываешь.

– Если бы он меня щупал, мог бы присылать лотерейные билеты не по доллару, а хотя бы по *два*, – сказал я, и папа расхохотался.

Я зарабатывал у мистера Харригана около тридцати долларов в неделю, и папа настаивал, чтобы как минимум двадцать из них я откладывал на сберегательный счет для оплаты учебы в университете. Я так и делал, хотя считал это глупостью; мальчику в девять лет даже старшая школа представляется смутным далеким будущим, которое наступит при-

мерно лет через сто, а уж университет – тот и вовсе случится в следующей жизни. Но даже десять долларов в неделю все равно были богатством. Что-то я тратил на гамбургеры и молочные коктейли в кафетерии в «Хоуи», но в основном покупал старые книжки в букинистической лавке «У Дейли» в Гейтс-Фоллзе. Эти книжки были не такими тяжеловесными, как те романы, что я читал мистеру Харригану (даже «Любовник леди Чаттерлей» был почти неподъемным, не считая тех сцен, когда Констанция и Меллорс «зажигали» в лесной сторожке). Мне самому нравились детективы и вестерны типа «Перестрелки в Джила-Бенде» и «Следа от пули». Чтение для мистера Харригана все-таки было работой. Не тяжким трудом, но работой. Книжки вроде «Мы убили их в понедельник» Джона Макдональда были чистой воды удовольствием. Я постоянно говорил себе, что те деньги, которые не идут на сберегательный счет, тоже надо откладывать, чтобы накопить на эппловский смартфон. Эти смартфоны появились в продаже летом 2007-го, но они стоили дорого, шесть сотен баксов, и если откладывать по десятке в неделю, мне пришлось бы копить больше года. Когда ты одиннадцатилетний мальчишка, год – это очень и очень долго.

К тому же старые книжки в красочных обложках манили меня neodолимо.

Рождественским утром 2007-го, через три года после того, как я начал работать на мистера Харригана, и за два го-

да до его смерти, дома под елкой лежал для меня только один подарок, и папа сказал, чтобы я оставил его напоследок, не открывал сразу. Я честно дождался, когда папа должным образом восхитится подарками, которые я купил для него: узорчатым жилетом, домашними тапочками и курительной трубкой из корня вереска. После чего, уже не в силах терпеть, я разорвал упаковочную бумагу на своем единственном подарке и завопил от восторга. Папа купил мне подарок мечты: айфон, который столько всего умел, что по сравнению с ним папин автомобильный радиотелефон казался замшелым антиквариатом.

С тех пор многое изменилось. Теперь тот первый айфон, подаренный папой мне на Рождество 2007-го, и сам стал замшелым антиквариатом, наподобие спаренного городского телефона на пять домов, о котором рассказывал папа, вспоминая свое детство. Технологии развивались стремительно. В моем рождественском айфоне было всего шестнадцать приложений, и все предустановленные. Среди них был «Ютьюб», потому что тогда «Эппл» с «Ютьюбом» еще дружили (теперь уже нет), и приложение под названием «SMS», примитивный мессенджер для обмена мгновенными текстовыми сообщениями (никаких эмодзи – тогда еще даже не было такого слова, – кроме тех, что можно было составить из знаков препинания). Имелось и приложение с прогнозом погоды, обычно ошибочным. Но зато можно было звонить, кому хочешь, с аппарата, помещавшегося в задний карман

брюк, и что еще круче, там стоял браузер «Сафари», соединявший тебя с внешним миром. Когда твое детство проходит в маленьком городке типа Харлоу, где нет светофоров и почти все дороги неасфальтированы, внешний мир представляется странным, манящим местом, к которому хочется прикоснуться не только посредством кабельного телевидения. Мне так точно хотелось. И теперь у меня появилась такая возможность, спасибо компании «АТ&Т» и Стиву Джобсу.

И там было одно приложение, которое сразу навело меня на мысли о мистере Харригане, даже в то первое утро безумной радости. Оно было намного круче спутникового радиоприемника в его машине. По крайней мере, для человека его интересов.

– Спасибо, – сказал я и обнял папу. – Огромное спасибо!

– Только не слишком много болтай. Тарифы мобильной связи какие-то запредельные, и я буду следить за твоими расходами.

– Тарифы снизятся, – сказал я.

И был прав. Кстати, папа ни разу не упрекнул меня в том, что я неэкономно расходую деньги на телефоне. Звонить мне было особенно некому, но мне нравилось смотреть видео на «Ютьюбе» (и папе тоже) и бродить по Интернету, который тогда было принято называть Всемирной паутиной. Иногда я ходил на сайт «Правды», не потому, что знал русский, а просто потому, что мог.

Спустя почти два месяца, в середине февраля, я вернулся домой из школы, открыл почтовый ящик и нашел там адресованный мне конверт, подписанный старомодным витиеватым почерком мистера Харригана. Моя традиционная открытка на День святого Валентина. Я вошел в дом, бросил школьную сумку на столик в прихожей и вскрыл конверт. Открытка была в стиле мистера Харригана, без цветочков и слащавых сердечек. На ней был изображен человек во фраке, который кланялся, сняв цилиндр, на цветущем лугу. Внутри, под коротким печатным текстом: *Пусть этот год будет полон любви и дружбы,* – стояла обычная подпись. *С наилучшими пожеланиями от мистера Харригана.* Кланяющийся джентльмен, доброе пожелание, никакой сопливой сентиментальщины. Вполне в духе мистера Харригана. Теперь, уже задним числом, меня удивляет, что он считал День святого Валентина праздником, стоящим поздравительной открытки.

В 2008-м однодолларовые билеты моментальной лотереи «Везунчик» сменились «Сосновым сбором» с шестью соснами на маленькой карточке. Стираешь защитный слой, и если одна и та же сумма открывается под тремя из шести деревьев – ты выигрываешь эти деньги. Я стер сосны монеткой и тупо уставился на результат. Сперва я подумал, что это ошибка или какая-то глупая шутка, хотя подобные шутки были вообще не в духе мистера Харригана. Я посмотрел еще раз, про-

вел пальцем по открывшимся числам, смахнул крошки того, что папа (закатив глаза) называл «соскребышами». Числа не изменились. Наверное, я рассмеялся, хотя точно не помню. Но помню, как завопил от радости.

Я достал из кармана мой новенький телефон (я не расставался с ним ни на минуту) и позвонил в «Пармело». Трубку взяла Дениз, секретарша, и как только услышала мой взволнованный голос, сразу спросила, все ли у меня хорошо.

– Все хорошо, – ответил я, – но мне нужно поговорить с папой.

– Сейчас я вас соединю, – сказала она и добавила: – А что у тебя с телефоном? Ты как будто звонишь с обратной стороны Луны.

– Я звоню с мобильного.

Боже, как мне нравилось произносить эти слова!

Дениз хмыкнула.

– От этих мобильных одна радиация. Я бы поостереглась. Соединяю.

Папа тоже спросил, все ли у меня хорошо, потому что я никогда не звонил ему на работу. Вообще никогда. Даже в тот день, когда школьный автобус уехал без меня.

– Папа, я получил открытку от мистера Харригана, и там, как всегда, был лотерейный билет...

– Если ты звонишь сообщить, что выиграл десять долларов, то можно было бы дождаться, когда я приду...

– Нет, пап, я взял большой приз! – Так оно и было, для

долларовой моментальной лотереи. — *Я выиграл три тысячи долларов!*

Папа надолго умолк. Я даже подумал, что связь прервалась. В те времена мобильные телефоны, даже самые новые, постоянно сбрасывали звонки.

— Пап? Ты меня слышишь?

— Ага. Ты уверен?

— Да! У меня перед глазами билет! Три раза по три тысячи! Одно число в верхнем ряду и два в нижнем!

Он снова надолго умолк. Потом я услышал, как он сказал кому-то из сослуживцев: «Похоже, сын выиграл в лотерею». Затем он вернулся к нашему разговору:

— Спрячь билет в надежное место, пока я не приду домой.

— Куда его спрятать?

— Например, в банку с сахаром в кладовой.

— Хорошо, — сказал я. — Да, хорошо.

— Крейг, ты уверен? Я не хочу, чтобы ты огорчился, так что проверь еще раз.

Я проверил. Проверил очень внимательно. Мне почему-то казалось, что из-за папиных сомнений числа изменятся: по крайней мере одно из них превратится из \$3000 во что-то другое. Но нет. Числа не изменились.

Я сказал об этом папе, и он рассмеялся.

— Ну, тогда поздравляю. Сегодня ужинаем в «Марселе», и ты угощаешь.

Теперь уже рассмеялся я. Такой чистой радости, как в тот

раз, я не испытывал никогда в жизни. Мне было необходимо позвонить кому-то еще, и я позвонил мистеру Харригану, на его луддитский домашний телефон.

– Мистер Харриган, спасибо за открытку! И за лотерейный билет! Я...

– Ты звонишь с этого своего новомодного устройства? – спросил он. – Да, наверное. Я тебя почти не слышу. Ты как будто звонишь с обратной стороны Луны.

– Мистер Харриган, я выиграл большой приз! Три тысячи долларов! Огромное вам спасибо!

Он замолчал, но молчал не так долго, как папа, а когда снова заговорил, не стал спрашивать, не ошибся ли я. Он оказал мне такую любезность.

– Тебе повезло, – сказал он. – Я за тебя очень рад.

– Спасибо!

– Вот уж действительно не за что. Я покупаю их пачками. Рассылаю друзьям и деловым знакомым, как своего рода... э... визитные карточки, скажем так. Рассылаю уже много лет. Рано или поздно один из них должен был сыграть по-крупному.

– Папа заставит меня положить большую часть денег на сберегательный счет. Но я и не против. Зато сразу намного пополню свои сбережения на университет.

– Если хочешь, отдай эти деньги мне, – сказал мистер Харриган. – Я сделаю инвестиции от твоего имени. Думается, я могу гарантировать более высокую доходность по сравнению

с банковским процентом. — Дальше он говорил, не столько обращаясь ко мне, сколько размышляя вслух: — Подберем что-нибудь понадежнее. Этот год будет не самым удачным для фондовых рынков. Я вижу тучи на горизонте.

— Конечно! — Я секунду подумал. — То есть, наверное, да. Сначала мне надо поговорить с папой.

— Безусловно. И это правильно. Скажи ему, что я также готов гарантировать возврат основного тела капитала. Ты сегодня придешь мне читать? Или теперь ты у нас человек состоятельный и тебе уже не до того?

— Конечно, приду. Только мне надо будет вернуться домой к папиному приходу. Сегодня мы ужинаем в ресторане. — Я секунду помедлил. — Хотите поехать с нами?

— Не сегодня, — ответил он без колебаний. — Знаешь, ты мог бы сказать мне все это при личной встрече, раз уж ты все равно придешь. Вовсе не обязательно было звонить. Но тебе страсть как нравится этот твой аппарат, да? — Он не стал дожидаться ответа; он и так знал ответ. — Не хочешь вложить свое неожиданное богатство в акции «Эппл»? Я думаю, эту компанию ждет блестящее будущее. До меня дошли слухи, что айфон похоронит блэкберри. Впрочем, время подумать есть. Не отвечай сразу, сначала все обсуди с отцом.

— Да, — сказал я. — Я сейчас буду у вас. Уже бегу.

— Молодость — чудесное время, — сказал мистер Харриган. — Жаль, что ею обладают только молодые.

— Что?

– Многие говорили что-то подобное, но Бернард Шоу сказал лучше всех. Впрочем, это не важно. Беги, мой мальчик. Беги со всех ног. Нас ждет Диккенс.

Я и вправду бежал со всех ног к дому мистера Харригана, но обратно шел не торопясь, и по пути у меня появилась идея. Я придумал, как его можно отблагодарить, хотя он и сказал, что никакой благодарности ему не надо. В тот вечер за праздничным ужином в «Марселе» я рассказал папе о предложении мистера Харригана вложить мое «неожиданное богатство» в надежные акции и поделился с ним своей идеей о благодарственном подарке. Я думал, у папы возникнут сомнения, и я не ошибся.

– Конечно, отдай ему деньги, и пусть он их вложит, куда сочтет нужным. А что касается твоей идеи... ты сам знаешь, как он относится к техническим новшествам. Он не только самый богатый человек в Харлоу – и во всем штате Мэн, раз уж на то пошло, – он еще и единственный, у кого нет телевизора.

– У него в доме есть лифт, – возразил я. – И он им пользуется.

– Пользуется поневоле. – Тут папа улыбнулся. – Но это твои деньги, и ты сам волен распоряжаться их пятой частью. Если ты хочешь потратить их на подарок мистеру Харригану, я не стану тебя отговаривать. Когда он откажется от подарка, можешь отдать его мне.

– Думаешь, он откажется?

– Думаю, да.

– Пап, а почему он вообще переехал в наш городок? В смысле, это же захолустье. Дремучая *глушь*.

– Хороший вопрос. Спроси при случае у него самого. Ну что, транжира, теперь по десерту?

Примерно через месяц после того разговора я принес мистеру Харригану новый айфон. Я не стал заворачивать подарок в красивую бумагу, потому что, во-первых, не было никакого праздника, а во-вторых, я доподлинно знал, что мистер Харриган не любил никаких украшательств. Он любил, чтобы все было четко и по-деловому.

Он озадаченно повертел коробку в скрюченных артритом руках, потом протянул ее мне.

– Спасибо, Крейг, я очень тронут вниманием, но нет. Лучше отдай его отцу.

Я взял коробку.

– Он сразу сказал, что вы откажетесь.

Я был разочарован, но не удивлен. И не собирался так быстро сдаваться.

– Твой отец – мудрый человек. – Мистер Харриган наклонился вперед в своем кресле и сцепил руки между колен. – Крейг, я редко даю советы. Обычно это напрасная трата времени. Но сегодня я дам тебе один совет. Генри Торо говорил, что не мы владеем вещами; вещи владеют нами. Каждая но-

вая вещь – будь то дом, или машина, или телевизор, или вот такой новомодный телефон – это дополнительный груз, который мы добровольно взваливаем себе на спину. Тут можно вспомнить, что сказал Скруджу Джейкоб Марли: «Я ношу цепь, которую сам сковал себе при жизни». У меня нет телевизора, потому что, если бы он был, я бы его смотрел, хотя в основном там показывают всякую ерунду. У меня в доме нет радио, потому что, если бы оно было, я бы его слушал, а мне это не нужно. Мне хватает и кантри в машине, чтобы не скучать в долгих поездках. Если бы у меня был *такой* телефон... – он показал на коробку с айфоном, – я бы, вне всяких сомнений, им пользовался. Я выписываю двенадцать периодических изданий, там содержится вся информация, необходимая мне для того, чтобы быть в курсе последних событий в деловом мире и скорбных деяний, творящихся в мире в целом. – Он со вздохом откинулся на спинку кресла. – Ну, вот. Я не просто дал тебе совет, а произнес целую речь. Старость – коварная штука.

– Можно, я покажу вам одну вещь? Нет, две вещи.

Он одарил меня тем самым взглядом, которым иной раз посматривал на садовника и домработницу, но никогда – на меня. В смысле, никогда прежде. Взглядом пронзительным, скептическим и довольно-таки неприятным. Уже теперь, годы спустя, я понимаю, что это был взгляд проницательного и циничного человека, который считает, будто видит людей насквозь, и не ждет от них ничего хорошего.

– Вот оно, лишнее подтверждение старой мудрости: ни одно доброе дело не останется безнаказанным. Я уже начинаю жалеть, что тебе попался этот выигрышный билет. – Он снова вздохнул. – Ладно, показывай, что хотел. Но ты все равно не заставишь меня передумать.

После этого взгляда, такого холодного и отстраненного, я подумал, что так и будет. Все кончится тем, что я отдам телефон папе. Но когда зашел так далеко, глупо отступать. Телефон был заряжен по максимуму, об этом я позаботился – и заранее проверил, как он работает. Я включил его и показал мистеру Харригану иконку во втором ряду: квадратик с ломаной линией, похожей на распечатку ЭКГ.

– Видите эту иконку?

– Да, и я вижу, что там написано. Но мне не нужен курсовой бюллетень, Крейг. Я выписываю «Уолл-стрит джорнал», как тебе известно.

– Да, – кивнул я, – но «Уолл-стрит джорнал» не умеет такого.

Я ткнул пальцем в иконку и открыл приложение с графиком индекса Доу-Джонса. Я не знал, что означают все эти числа, но я видел, как они меняются. 14 720 поднялось до 14 728, потом опустилось до 14 704, затем подскочило до 14 716. Мистер Харриган широко распахнул глаза. У него в прямом смысле слова отвисла челюсть. Как будто его ударили пыльным мешком по голове. Он взял телефон и поднес его поближе к глазам. Потом повернулся ко мне.

– Это текущие котировки в *реальном времени*?

– Да, – сказал я. – Ну, может, с задержкой на пару минут, я не знаю. Телефон берет данные с новой башни мобильной связи в Моттоне. Нам повезло, что у нас рядом построили такую мощную вышку.

Он наклонился вперед и как бы нехотя улыбнулся.

– Будь я проклят. Это же прямо как тикерные аппараты, стоявшие дома у крупных магнатов.

– Даже лучше, чем тикерные аппараты, – сказал я. – Тикеры передавали данные с большой задержкой. Иногда на *несколько часов*. Папа мне рассказал. Ему нравится наблюдать за этими котировками. Он постоянно берет у меня телефон, чтобы их посмотреть. Он говорит, это одна из причин биржевого краха тысяча девятьсот двадцать девятого года: чем больше люди скупали акций, тем сильнее отставали тикеры. Отчасти поэтому все и рухнуло.

– Он прав, – согласился мистер Харриган. – Слишком все разогналось, и обвал уже было не остановить. Впрочем, нечто подобное тоже может ускорить падение рынка. Сейчас еще трудно судить. Технология пока слишком новая.

Я ждал. Мне хотелось продолжить, хотелось расхваливать телефон дальше – все-таки я был мальчишкой, нетерпеливым, как все мальчишки, – но что-то мне подсказало, что сейчас лучше промолчать. Мистер Харриган продолжал рассматривать колебания индекса Доу-Джонса. Он приобщался к новым технологиям буквально у меня на глазах.

– Но... – начал он, не отрывая взгляд от экрана.

– Что «но», мистер Харриган?

– В руках человека, который действительно знает рынок, что-то подобное может... или *уже*... – Он умолк и надолго задумался. – Я должен был знать. Пенсия – не оправдание.

– И вот еще одна вещь, – сказал я, больше не в силах молчать. – Вы же выписываете газеты. «Ньюсуик», «Файнэншл таймс», «Фордс»...

– «Форбс», – поправил меня мистер Харриган, по-прежнему глядя на экран. Он напоминал мне меня в четыре года, когда мне подарили на день рождения «Волшебный шар предсказаний». Я точно так же не мог от него оторваться.

– Да, верно. Можно мне телефон на минутку?

Он отдал мне телефон с видимой неохотой. Теперь я уже не сомневался, что мне все-таки удалось его зацепить. Я был рад, но при этом мне было немножечко стыдно. Как было бы стыдно, если бы я стукнул по голове прирученную белку, когда она подошла взять орех у меня с ладони.

Я открыл «Сафари». По сравнению с нынешним браузером он был примитивным, но работал отлично. Я вбил «Уолл-стрит джорнал» в поле поиска, и через пару секунд на экране открылась первая страница газеты. Один из заголовков гласил: «КОФЕ КАУ» ОБЪЯВЛЯЕТ О ЗАКРЫТИИ. Я показал его мистеру Харригану.

Он уставился на заголовок, нахмурился и взял газету со столика рядом с креслом, куда я обычно складывал его по-

чту. Посмотрел на первую страницу и покачал головой:

– Здесь такой статьи нет.

– Потому что это вчерашний номер, – пояснил я. Каждый раз, приходя к мистеру Харригану, я выгребал его почту из почтового ящика и приносил ему. «Уолл-стрит джорнал» всегда был обернут вокруг скрученных в трубочку газет и закреплён канцелярской резинкой. – Вы его получаете на день позже. Все так получают.

А в праздники вся периодика приходила с опозданием на два или даже три дня. Можно было об этом не напоминать; в ноябре и декабре мистер Харриган вечно ворчал, что почта работает отвратительно.

– Это сегодняшний номер? – спросил он, впившись взглядом в экран. И добавил, посмотрев на дату вверху: – Да, точно, сегодняшний!

– Ага, – сказал я. – Свежие новости вместо протухших.

– Тут написано, где-то есть карта с обозначением всех закрывающихся кофейен. Покажешь мне, как она открывается? – В его голосе явственно слышалась алчность. Я даже слегка испугался. Он упоминал Скруджа и Марли; я себя чувствовал Микки-Маусом из «Фантазии», оживившим метелки с помощью магии, которой он не понимал.

– Вы можете сами ее открыть. Просто черкните пальцем по экрану. Вот так.

Я показал ему, что надо делать. Сначала он черкнул слишком сильно и пролистал дальше, чем нужно, но потом сразу

же разобрался. На самом деле, разобрался гораздо быстрее, чем папа. Он нашел нужную страницу.

– Нет, ты глянь, что творится! – воскликнул он. – Шестьсот кофеен! Теперь тебе ясно, что я имел в виду, когда говорил о нестабильности в... – Он умолк, пристально глядя на крошечную карту. – Почти все на юге. Большая часть закрывающихся кофеен располагается на юге. Юг – показатель конъюнктуры рынка, Крейг, почти всегда... Мне надо срочно позвонить в Нью-Йорк. Торги скоро закроются. – Он начал вставать. Его простой телефон стоял в другом углу комнаты.

– Звоните прямо с айфона, – сказал я. – В основном он для этого и предназначен: чтобы звонить. – Во всяком случае, в те времена так и было. Я прикоснулся к иконке с телефонной трубкой, и на экране отобразилась клавиатура с цифрами. – Теперь надо набрать нужный номер. Просто нажмите пальцем по кнопкам.

Он посмотрел на меня. Его голубые глаза под кустистыми седыми бровями были ясными и пронзительными.

– Можно звонить прямо отсюда, из этой глухомани?

– Да. Прием тут отличный благодаря новой башне. У вас четыре полосы.

– Полоски?

– Это не важно. Вы звоните, а я пока выйду в сад. Когда закончите, помахайте мне из окна...

– Не надо никуда выходить. Звонок не займет много вре-

мени, и в нем нет ничего секретного.

Он принялся набирать номер, прикасаясь к экрану с опаской, словно любое нажатие на кнопку могло вызвать взрыв. Потом неуверенно и осторожно поднес телефон к уху, глядя на меня в ожидании подтверждения, что он все делает правильно. Я ободряюще ему кивнул. Он послушал, с кем-то поговорил (поначалу слишком громко), затем чуть подождал и заговорил с кем-то другим. Так что я был рядом с мистером Харриганом, когда тот продал все свои акции «Кофе Кау», совершив сделку на сумму бог знает во сколько тысяч долларов.

Закончив разговор, он сам разобрался, как вернуться на рабочий стол, и снова открыл «Сафари».

– Здесь есть «Форбс»?

Я проверил. «Форбса» не было.

– Но если вы ищете какую-то конкретную статью из «Форбса», то, возможно, она будет в Сети, потому что ее уже кто-нибудь перепостил.

– Перепостил?..

– Ага, и если вам нужна информация по какой-то конкретной теме, «Сафари» вам все найдет. Нужно только задать параметры. Вот смотрите. – Склонившись над ним, я набрал в строке поиска: «Кофе Кау». Телефон пару секунд подумал и вывалил на экран список ссылок на разные сайты, включая и ту статью в «Уолл-стрит джорнал», по поводу которой мистер Харриган звонил своему брокеру.

– Ты гляди! – подивился мистер Харриган. – Значит, это и есть Интернет?

– Ага, – сказал я и подумал: *Дык.*

– Всемирная сеть?

– Ага.

– Которая существует уже сколько лет?

Вы должны сами знать, подумал я. Вы крутой бизнесмен и должны разбираться в таких вещах, даже если вышли на пенсию. Потому что вам все еще интересно.

– Я точно не знаю, но все постоянно пользуются Интернетом. Мой папа, учителя в школе, полиция... вообще все. – Я помолчал и добавил с нажимом: – Включая и ваши компании, мистер Харриган.

– Да, только это уже не мои компании. Я кое-что знаю, Крейг, как знаю кое-что о разных телепередачах, хотя не смотрю телевизор. Обычно я пропускаю статьи о новых технологиях, когда читаю газеты или журналы, потому что мне это неинтересно. Но если ты хочешь поговорить о кегельбанах или сетях кинопроката, то я с удовольствием поддерживаю разговор. В этой области я, так сказать, держу руку на пульсе.

– Да, но как же вы не понимаете... там *тоже* используются новые технологии. И если вы не хотите в них разбираться...

Я не знал, как закончить начатую фразу, не переступив границ вежливости. Но мистер Харриган все понял.

– Ты хочешь сказать, я останусь за бортом?

– Наверное, это не важно, – пробормотал я. – Все равно вы на пенсии.

– Но я не хотел бы прослыть старым *дурнем*, – сказал он чуть ли не с яростью в голосе. – Думаешь, Чик Рафферти удивился, когда я ему позвонил и велел продавать акции «Кофе Кау»? Совершенно не удивился, потому что, вне всяких сомнений, сегодня ему позвонили еще с полдюжины крупных клиентов с тем же распоряжением. Кто-то из них, я уверен, обладает инсайдерской информацией. Кто-то просто живет в Нью-Йорке или Нью-Джерси и получает свежие номера «Уолл-стрит джорнал» прямо в день публикации. В отличие от меня, засевающего в этой Богом забытой глуши.

Я снова задался вопросом, почему он решил поселиться в нашем крошечном городке – никаких родственников в Харлоу у него не было и в помине, – но сейчас было явно не лучшее время об этом расспрашивать.

– Возможно, я проявил высокомерие. – Он задумался и вдруг широко улыбнулся. Это была настоящая, искренняя улыбка. Как будто солнце пробилось сквозь тучи в холодный, пасмурный день. – Да, *именно* высокомерие. – Он поднял руку с айфоном. – Я все же приму твой подарок.

Я чуть не брякнул: «Спасибо», – но это было бы странно. И я просто сказал:

– Хорошо. Я рад.

Он посмотрел на часы на стене, затем (что меня позабавило) сверил время по айфону.

– Раз уж мы столько времени проговорили, давай сегодня прочтем только одну главу?

– Хорошо, – сказал я, хотя с удовольствием задержался бы подольше и прочитал две главы. Может быть, даже три. Мы приближались к концу «Спрута» Фрэнка Норриса, и мне не терпелось узнать, чем все закончится. Роман был старомодным, но все равно увлекательным.

Когда мы завершили наш сокращенный сеанс чтения, я полил комнатные растения в доме. Я поливал их всегда, когда приходил читать мистеру Харригану, и всегда управлялся за считанные минуты. Пока я ходил по комнате с лейкой, мистер Харриган возился с айфоном, включал его и выключал.

– Если я буду пользоваться этой штукой, лучше покажи, как ею пользоваться, – сказал он. – Для начала: что надо делать, чтобы она не отключилась? Заряд уже убывает, я вижу.

– Вы во всем разберетесь и без меня. Это несложно. А чтобы его зарядить... Там в коробке есть шнур с зарядным устройством. Подключаете шнур к телефону и просто втыкаете его в розетку. Могу показать еще пару прикольных вещей, если...

– Не сегодня, – сказал он. – Может быть, завтра.

– Хорошо.

– Но я все же задам тебе один вопрос. Почему я смог прочитать эту статью о «Кофе Кау» и посмотреть карту кофеен, планируемых к закрытию?

Первое, что пришло мне в голову: ответ Эдмунда Хиллари на вопрос, почему он решил покорить Эверест. *Потому что он есть.* Мы недавно читали об этом в школе. Но если бы я так ответил, мистер Харриган решил бы, что я шибко умничаю. И был бы прав. Поэтому я сказал:

– Я не понял вопроса.

– Да неужели? Такой умный, смысленный мальчик, как ты? Подумай, Крейг, включи голову. Я только что совершенно задаром получил информацию, за которую люди платят хорошие деньги. Даже по почтовой подписке, обходящейся гораздо дешевле, чем если бы я покупал эти газеты в киоске, я плачу около девяноста центов за номер. А с этим устройством... – Он поднял айфон над головой на вытянутой руке, как спустя всего несколько лет тысячи подростков будут тянуть вверх свои смартфоны на рок-концертах. – Теперь понимаешь?

Да, при такой постановке вопроса все стало понятно, но ответа у меня не было. Все получалось как-то уж слишком...

– Получается как-то глупо, тебе не кажется? – спросил он, словно прочитав мои мысли. А может, все было написано у меня на лице. – Бесплатная раздача полезных сведений идет вразрез с моими представлениями об успешном ведении бизнеса.

– Может быть...

– Что «может быть»? Поделись-ка своими соображениями. Я не иронизирую, Крейг. Ты лучше меня разбираешься

в этих вещах, и мне интересно узнать, что ты думаешь.

Мне вспомнилась ежегодная ярмарка во Фрайберге, куда мы с папой ездили каждый октябрь. Обычно мы брали с собой мою подругу Марджи, жившую на нашей улице. Мы с Марджи катались на аттракционах, потом мы все втроем ели пончики и колбаски в кленовом сиропе, а затем папа тащил нас смотреть на новые тракторы. Чтобы добраться до выставки тракторов и другой сельскохозяйственной техники, надо было пройти по дорожке мимо огромного шатра, где играли в бинго. Я рассказал мистеру Харригану, что перед входом в шатер стоял зазывала с микрофоном и сообщал посетителям ярмарки, что первая игра – всегда бесплатно.

Он обдумал мои слова.

– Вроде завлекаловки? Да, наверное, в этом есть смысл. Читаешь статью, может быть, две или три, а потом аппарат... даже не знаю... отключается от страницы? Не дает читать дальше? Выдает сообщение, мол, хочешь играть – плати денежки?

– Нет, – сказал я. – Все-таки это совсем не похоже на ярмарочное лото. Читать можно все, что угодно, и сколько угодно. По крайней мере, насколько я знаю.

– Но это безумие. Одно дело – раздавать бесплатные образцы, но чтобы отдать даром *весь магазин*... – Он фыркнул и покачал головой. – Ты заметил, там даже не было *рекламы*? Реклама – огромный источник дохода для газет и другой периодики. Огромный.

Он взял телефон, посмотрел на свое отражение в черном экране, вновь отложил его в сторону и посмотрел на меня с кривой, кислой улыбкой.

– Возможно, перед нами огромная ошибка, Крейг. Ошибка, совершаемая людьми, которые разбираются в практических аспектах вот этих вот... *хитросплетений*... не лучше меня самого. Возможно, грядет экономическая катастрофа. Возможно, она *уже* грянула. И теперь изменится то, как мы берем информацию, где и когда мы берем информацию, а значит, изменится и само наше мировоззрение. Как мы смотрим на мир. – Он секунду помедлил. – И как мы с ним взаимодействуем, разумеется.

– Я не понимаю, – сказал я.

– Давай взглянем на это с такой стороны: ты заводишь щенка, и тебе надо приучить его ходить в туалет на улице, правильно?

– Да.

– Но он еще маленький, он только учится. И если он навалил кучу прямо посреди комнаты, ты похвалишь его? Угостишь чем-то вкусным?

– Конечно, нет.

Он кивнул:

– Правильно. Потому что иначе ты приучишь его к прямо противоположному по сравнению с тем, чего добивался. Когда речь идет о коммерции, Крейг, большинство людей подобны щенкам, которых требуется приучить к туалету.

Мне не понравилась эта идея – она мне не нравится до сих пор; мне кажется, что приверженность принципу кнута и пряника многое говорит о том, как мистер Харриган сколотил свой капитал, – но я промолчал. В тот день я увидел его по-новому. Он был как старый исследователь, готовый отправиться в новую экспедицию – навстречу новым открытиям, – и слушать его было по-настоящему интересно. Тем более что он не пытался меня поучать. Он учился сам, и для старика, которому уже хорошо за восемьдесят, учился на удивление быстро.

– Бесплатные образцы – это нормально, но если ты отдашь слишком много всего задаром, будь то одежда, еда или информация, люди начнут принимать эти подарки как должное. Будут их ждать, даже требовать. Это как если бы ты похвалил своего щеночка, когда он навалил кучу тебе на ковер. Он и завтра навалит там кучу и будет ждать похвалы, потому что у него в сознании уже отложилось, что это правильно. Ты сам его так научил. Будь я владельцем «Уолл-стрит джорнал»... или «Таймс»... даже проклятого «Ридерз дайджест»... меня бы пугала эта штуковина. – Он опять взял айфон; казалось, ему не хотелось выпускать его из рук. – Это как сломанный водопровод, только из прорванных труб хлещет не вода, а информация. Я думал, это всего-навсего телефон, но теперь понимаю... вернее, только начинаю понимать... – Он тряхнул головой, словно пытаясь прочистить мозги. – Крейг, представь, что кто-то владеющий внутренней

информацией о разработках нового лекарственного препарата решит выложить в Сеть результаты тестирования и все смогут их прочитать? Крупные фармацевтические компании потеряют на этом миллионы долларов. Или, допустим, кто-нибудь недовольный правительственной политикой обнаружит государственные секреты?

– Разве его не арестуют?

– Может быть. Вероятно. Но знаешь, как говорится, если выпустить джинна из лампы... обратно его уже не запихнешь. М-да... Ну, ладно. Не важно. Тебе, пожалуй, пора домой, а то опоздаешь на ужин.

– Уже иду.

– Еще раз спасибо за подарок. Я, наверное, буду нечасто им пользоваться, но он дал мне пищу для размышлений. Буду думать по мере сил. Мозги у меня не такие шустрые, как в прежние времена.

– По-моему, они у вас очень даже шустрые, – сказал я, и вовсе не для того, чтобы ему польстить. Он очень верно заметил насчет рекламы: почему ее *нет* на сайтах газет и в видеороликах на «Ютьюбе»? Людям волей-неволей пришлось бы ее смотреть, верно? – К тому же, как говорит папа, дорог не подарок – дорого внимание.

– Но не каждый об этом помнит, – ответил он и добавил, увидев мое озадаченное лицо: – Не имеет значения. Жду тебя завтра, Крейг.



По дороге домой, пиная комья последнего в том году снега, я размышлял обо всем, что услышал от мистера Харригана. Больше всего мне запомнились его слова, что Интернет – как сломанный водопровод, только из труб бьет не вода, а информация. Это верно не только по отношению к смартфонам, но и к папиному ноутбуку, и к компьютерам в школе, и ко всем компьютерам по всей стране. По всему миру, на самом деле. Хотя айфон был в новинку для мистера Харригана и тот с трудом разобрался, как включается «эта штуковина», он уже понял, что прорванные трубы коммерции необходимо чинить – и чем скорее, тем лучше. Я не уверен, но, по-моему, мистер Харриган предвидел появление платного доступа к сайтам за пару лет до того, как был придуман сам термин «пейволл». Конечно, тогда я об этом не знал, как не знал и о возможности обходить ограничения – потом это назовут «джейлбрейком». Платные доступы появились, но к тому времени люди *и вправду* привыкли получать информацию даром, и их возмущало, что с них стали требовать плату. Столкнувшись с пейволлом на сайте «Нью-Йорк таймс», пользователи уходили на сайты Си-эн-эн или «Хаффингтон пост» (обычно в припадке гнева), пусть даже тамошние материалы были хуже по качеству. (Если, конечно, предмет вашего интереса не были фотографии, на кото-

рых видна нехстати обнажившаяся грудь какой-нибудь знаменитости.) Мистер Харриган был абсолютно прав.

Вечером после ужина, когда посуда была вымыта и убрана, папа открыл свой ноутбук.

– Я нашел кое-что интересное, – сказал он. – Сайт previews.com. Там трейлеры фильмов, которые скоро выйдут в прокат.

– Правда? Давай посмотрим!

Следующие полчаса мы смотрели трейлеры фильмов, которые раньше не увидели бы нигде, кроме как в кинотеатре.

Мистер Харриган рвал бы на себе волосы. Те немногие, что у него оставались.

Возвращаясь от мистера Харригана в тот мартовский день в 2008 году, я был уверен, что в одном он ошибался. *Я, наверное, буду нечасто им пользоваться*, сказал он, но я видел, какое у него было лицо, когда он рассматривал карту с обозначением закрывающихся кофеен «Кофе Кау». И как легко он воспользовался новым смартфоном, когда звонил своему брокеру в Нью-Йорк. (Вернее, не брокеру, а адвокату и по совместительству бизнес-менеджеру, но об этом я узнал позже.)

И я был прав. Мистер Харриган пользовался айфоном всюю. В этом смысле он был подобен престарелой незамужней тетушке, которая после шестидесяти лет строгого воздержания решила сделать на пробу глоточек виски и буквально за

вечер стала жеманной алкоголичкой. Прошло совсем мало времени, и мистер Харриган уже не расставался с айфоном. Когда я к нему приходил, айфон постоянно лежал на столике рядом с его любимым креслом. Не знаю, скольким людям звонил мистер Харриган, но мне он звонил чуть ли не каждый вечер и расспрашивал о возможностях своего нового приобретения. Однажды он сказал, что айфон чем-то похож на старинный секретер с кучей крошечных ящичков, полочек и потайных отделений, которые легко не заметить.

Большую часть этих ящичков и потайных отделений он обнаружил самостоятельно (с помощью различных интернет-ресурсов), но я помог ему в самом начале – так сказать, придал ему ускорение. Когда он сказал, что его раздражает ханжеское треньканье ксилофона на входящих звонках, я поменял звук рингтона на отрывок из песни «Stand By Your Man» в исполнении Тэмми Уайнетт. Мистер Харриган был в восторге. Я показал ему, как переключаться в режим «без звука», чтобы он мог спокойно вздремнуть после обеда, не реагируя на звонки. Я показал, как настроить будильник и как записать сообщение для автоответчика, который включается, когда самому мистеру Харригану неохота брать трубку. (Текст его сообщения был образцом лаконичности: «Я сейчас не могу подойти к телефону. Я вам перезвоню, если сочту нужным».) Он стал отключать городской телефон, когда ложился спать днем, и я заметил, что он все реже включал его снова. Он научился пользоваться мессенджером –

как тогда говорилось, «сервисом мгновенных сообщений», – и мы с ним постоянно переписывались. Гуляя в поле за домом, он фотографировал на телефон разнообразные грибы и отправлял снимки по электронной почте, чтобы я помог их опознать. Он делал заметки в приложении для заметок и искал в Сети видеоклипы своих любимых исполнителей кантри.

– Сегодня утром, в такой замечательный летний день, я потратил час жизни на просмотр видеороликов Джорджа Джонса, – признался он мне однажды со странной смесью гордости и стыда.

Как-то раз я спросил, почему он не купит себе ноутбук. Туда можно поставить те же программы, которые он освоил на телефоне, и смотреть те же видеоклипы, но на большом экране, и Портер Вагонер предстанет перед ним во всей своей усыпанной драгоценностями красе. Мистер Харриган лишь покачал головой и рассмеялся.

– Изыди, Сатана. Не искушай меня. Ты словно пристрастил меня к курению марихуаны, а теперь говоришь: «Если вам нравится травка, вам *точно понравится* героин». Лучше не надо, Крейг. Мне достаточно телефона. – Он провел рукой по айфону так нежно и ласково, словно погладил спящего питомца. Скажем, щенка, наконец приучившегося делать свои дела на улице.

Осенью 2008-го мы читали «Загнанных лошадей пристре-

ливают, не правда ли?», и в один из дней мистер Харриган решил закончить пораньше (сказал, что его утомляют эти танцевальные марафоны). Мы перебрались на кухню, где миссис Гроган оставила большую тарелку с домашним овсяным печеньем. Мистер Харриган шел очень медленно, опираясь на две трости. Я шел следом за ним, готовый подхватить его, если он упадет.

Кряхтя и морщась, он сел за стол и взял с тарелки печенье.
– Старая добрая Эдна, – сказал он. – Люблю это печенье, и оно очень даже способствует работе кишечника. Налей-ка нам по стаканчику молока, Крейг.

Разливая молоко по стаканам, я все-таки задал ему вопрос, который давно собирался задать, но почему-то всегда забывал:

– А почему вы сюда переехали, мистер Харриган? Вы могли бы поселиться где угодно.

Он, как всегда, шутливо отсалютовал мне стаканом с молоком, и я, как всегда, поднял свой стакан в ответ.

– А где бы ты сам поселился, Крейг? Если бы мог поселиться, как ты говоришь, где угодно?

– Наверное, в Лос-Анджелесе, где снимают кино. Я бы устроился грузчиком на киностудию и постепенно пробился бы дальше. – Тут я открыл ему свой секрет: – Может быть, я писал бы сценарии для кинофильмов.

Я думал, он будет смеяться, но нет.

– Ну, да. Кто-то же должен этим заниматься, почему бы не

ты? И ты не скучал бы по дому? Тебе не хотелось бы увидеть папу, положить цветы на мамину могилу?

— Ну... я бы часто сюда приезжал, — ответил я, но его вопросы (и упоминание о маме) заставили меня призадуматься.

— Я хотел начать с чистого листа, — сказал мистер Харриган. — Как человек, проживший всю жизнь в большом городе... Я вырос в Бруклине, который еще не превратился... я даже не знаю, в этакий цветочный горшок... Как бы там ни было, мне хотелось сбежать из Нью-Йорка и дожить свой век в тишине и покое. Я хотел поселиться где-нибудь в глуши, но не в туристической глуши вроде Камдена, Кастина или Бар-Харбора. Я выбирал городок, где до сих пор полно гравиных дорог.

— Тут вы не ошиблись, — заметил я.

Он рассмеялся и взял еще одно печенье.

— Я рассматривал разные варианты... Обе Дакоты... Небраску... но в итоге решил, что это все-таки далековато. Мой референт показал мне много фотографий маленьких городков в Мэне, Нью-Хэмпшире и Вермонте, и я выбрал вот этот дом. Потому что он стоит на холме. Красивые виды со всех сторон... Красивые, но не *впечатляющие*. Впечатляющие виды привлекают туристов, чего мне как раз не хотелось. Мне здесь нравится. Нравятся тишина и покой, нравятся здешние люди. И ты тоже мне нравишься, Крейг.

Мне было радостно это услышать.

– И еще кое-что. Не знаю, что ты читал обо мне, о моей, так сказать, трудовой карьере, но если что-то читал... или прочтешь в будущем, ты увидишь, что многие держатся мнения, будто я был жестким, безжалостным человеком, когда поднимался по «лестнице к успеху», как ее называют завистливые, недалекие люди. Это мнение появилось не на пустом месте. Я нажил немало врагов, и я этого не скрываю. Бизнес во многом подобен футболу, Крейг. Если надо сбить наземь соперника, чтобы прорваться к воротам, то сбивай и не думай, иначе за каким чертом ты вышел на поле? Но когда матч завершен... а мой матч завершен, хотя я и стараюсь держать руку на пульсе... Так вот, когда матч завершен, ты снимаешь футбольную форму и идешь домой. Теперь мой дом здесь. В этом непримечательном уголке сельской Америки, где один супермаркет на весь городок и всего одна школа, которая, как я понимаю, скоро и вовсе закроется. Меня никто не беспокоит. Никто не заглядывает «на минутку, чтобы пропустить по стаканчику». Мне больше не надо ходить на деловые обеды, где всем всегда от меня что-то нужно, *всегда*. Меня не зовут на заседания совета директоров. Мне не надо присутствовать на унылых благотворительных мероприятиях, где царит смертная скука. В пять утра меня не будят мусоровозы, громяхающие по Восемьдесят первой улице. Здесь меня похоронят, на Ильмовом кладбище, среди ветеранов Гражданской войны, и мне не придется подключать свои связи или давать взятку какому-нибудь за-

ведущему по могилам, чтобы купить хороший участок. Я ответил на твой вопрос?

И да, и нет. Он так и оставался для меня загадкой, до самого конца. И даже после. Но, наверное, так всегда и бывает. Наверное, по большому счету мы все одиноки. Либо по собственной воле, как мистер Харриган, либо просто потому, что так устроен наш мир.

– Вроде да, – сказал я. – По крайней мере вы не уехали в Северную Дакоту. Чему я очень рад.

Он улыбнулся.

– Я тоже. Возьми еще печенье, съешь по дороге домой. И передай от меня привет отцу.

* * *

Из-за сокращения городского бюджета наша школа в Харлоу закрылась в июне 2009-го, и в восьмой класс я пошел в среднюю школу в Гейтс-Фоллзе, на другом берегу реки Андроскоггин, где вместо двенадцати у меня сразу стало больше семидесяти одноклассников. В то лето я впервые в жизни поцеловался с девчонкой: не с Марджи, а с ее лучшей подругой Реджиной. В то лето не стало мистера Харригана. Это я его нашел.

Я видел, что он сильно сдал за последнее время, у него появилась одышка, он стал все чаще дышать кислородом из баллона, который теперь постоянно держал рядом со своим

любимым креслом, но я связывал это с издержками возраста, а в остальном ничто не предвещало беды. День накануне был самым обычным. Я прочел две главы из «Мактига» (я сам попросил почитать еще что-нибудь из романов Фрэнка Норриса, и мистер Харриган согласился) и полил комнатные растения. Пока я их поливал, мистер Харриган проверял почту на телефоне.

Оторвав взгляд от экрана, он посмотрел на меня и сказал:

– Люди уже просекли, что к чему.

– В чем?

Он поднял руку с айфоном:

– Вот в этом. Они поняли, что это значит. И чего с его помощью можно добиться. Архимед говорил: «Дайте мне точку опоры, и я переверну Землю». Вот она, точка опоры.

– Круто, – сказал я.

– Я только что стер три письма с рекламой разных товаров и почти дюжину писем с политической агитацией. Вне всяких сомнений, адрес моей электронной почты был продан куда-то на сторону. Точно так же, как некоторые журналы продают адреса своих подписчиков.

– Хорошо, что им неизвестно, кто вы такой, – сказал я.

Для электронного адреса мистер Харриган взял себе ник (ему очень нравилось иметь ник) **pirateking1**. Король пиратов.

– Если кто-то отслеживает мои поисковые запросы, им совершенно не важно, кто я такой. Они выясняют мои интере-

сы и шлют мне рекламу сообразно этим интересам. Мое имя для них ничего не значит. В отличие от моих интересов.

– Да, спам жутко бесит, – согласился я и пошел на кухню, чтобы опорожнить лейку и убрать ее на веранду.

Когда я вернулся в гостиную, мистер Харриган прижимал к лицу кислородную маску и глубоко дышал.

– Это ваш лечащий врач прописал вам дышать кислородом? – спросил я.

Он отнял от лица маску и сказал:

– У меня нет лечащего врача. Когда человеку уже хорошо за восемьдесят, ему можно есть сколько угодно рубленой солонины и ему не нужны никакие врачи, если только у него нет рака. В этом случае врач пригодится, чтобы выписывать обезболивающие. – Его мысли явно были заняты чем-то другим. – Скажи-ка мне, Крейг, ты не подумывал об «Амазоне»? Я имею в виду интернет-магазин.

Я знал, что такое «Амазон». Папа там иногда кое-что покупал, но мне даже в голову не приходило *задуматься* об «Амазоне». Я так и сказал мистеру Харригану и спросил, почему он вообще задал мне этот вопрос.

Он указал пальцем на экземпляр «Мактига» издательства «Модерн лайбрани».

– Я его купил на «Амазоне». Заказал с телефона и оплатил банковской картой. Раньше они торговали исключительно книгами. По сути, это был малый семейный бизнес без особых претензий, но, возможно, уже очень скоро он ста-

нет одной из крупнейших и самых влиятельных корпораций Америки. А их логотип со стрелкой-улыбкой станет таким же узнаваемым, как эмблема «Шевроле» или вот этот значок. – Он поднял повыше свой телефон, демонстрируя надкушенное яблоко. – Говоришь, спам жутко бесит? Да, так и есть. Спам плодится как тараканы и расползается по всей американской коммерции. Почему? Потому что спам работает, Крейг. Именно он, так сказать, тянет плуг. Возможно, уже в обозримом будущем спам будет определять исход выборов. Будь я помоложе, я бы взял этот новый источник дохода за яйца... – Он сжал руку в кулак. Из-за артрита кулак получился не слишком крепким, но я понял, что он хочет сказать. – ...И сдавил бы со всей силы.

Его глаза загорелись тем самым огнем, который, честно признаюсь, меня пугал. При виде *такого* мистера Харригана я всегда тихо радовался, что мы с ним друзья, а не враги.

– Вы проживете еще много лет, – сказал я, пребывая в блаженном неведении, что этот наш разговор станет последним.

– Может, да. А может, и нет. Но скажу еще раз: я рад, что ты уговорил меня оставить этот телефон. Мне есть над чем поразмыслить. А по ночам, когда меня донимает бессонница, он меня развлекает, как добрый товарищ.

– Я рад. – Я и вправду был рад. – Мне пора домой. Завтра увидимся, мистер Харриган.

Я действительно его увидел, но он меня – нет.

Как всегда, я вошел в дом через веранду и крикнул:
– Добрый день, мистер Харриган! Это я!

Ответа не последовало. Я подумал, что он, наверное, сидит в туалете. Я очень надеялся, что он там не упал, потому что в тот день у миссис Гроган был выходной. Когда я вошел в гостиную и увидел, что он сидит в своем кресле – баллон с кислородом лежал на полу, айфон и «Мактиг» – на столе рядом с креслом, – я мысленно вздохнул с облегчением. Вот только его подбородок касался груди, а сам он сидел, чуть завалившись набок. Казалось, он спал. Если так, я впервые застал его спящим. Обычно он ложился вздремнуть на часок после обеда, а к моему приходу всегда был бодр, и весел, и полон задора.

Я подошел ближе и увидел, что его глаза закрыты не полностью. Из-под полуприкрытых век виднелись нижние полукружия голубых радужных оболочек. Только они были не яркими, как обычно, а тусклыми, затуманенными. Мне стало страшно.

– Мистер Харриган?

Нет ответа. Его скрюченные артритом руки безвольно лежали у него на коленях. Одна трость стояла, прислоненная к стене, вторая валялась на полу, как будто мистер Харриган потянулся за ней и уронил. Я вдруг понял, что слышу, как тихо шипит кислородная маска, но не слышу скрипучего свиста его дыхания – звука, к которому я так привык, что давно перестал замечать.

– Мистер Харриган, у вас все нормально?

Я сделал еще шаг вперед и протянул руку, чтобы потрясти его за плечо, разбудить... и не решился к нему прикоснуться. Я еще никогда не видел мертвецов, но мне показалось, что мистер Харриган похож на мертвеца. Я опять протянул руку и на этот раз не струсил. Я схватил его за плечо (оно было до жути костлявым под тканью рубашки) и легонько встряхнул.

– Мистер Харриган, просыпайтесь!

Одна его рука соскользнула с коленей и повисла как плеть. Он чуть сильнее завалился набок. Его рот был слегка приоткрыт, и мне были видны его желтые зубы. И все-таки, прежде чем поднимать панику и кому-то звонить, я хотел убедиться, что он не просто потерял сознание. У меня в голове промелькнуло воспоминание, очень яркое и живое, как мама читает мне книжку о глупом мальчишке, который кричал: «Волки! Волки!»

На негнущихся ногах я пошел в ванную рядом с прихожей – в ту, которую миссис Гроган называла уборной, – и вернулся в гостиную с маленьким зеркальцем, всегда лежавшим на полочке над раковиной. Я поднес зеркальце к носу и рту мистера Харригана. Стекло не затуманилось от дыхания. Вот тогда я все понял (хотя теперь, вспоминая тот день, я уверен, что понял все раньше, когда потряс его за плечо и его безжизненная рука соскользнула с колен). Я был в этой комнате, в этом доме, один на один с мертвецом. А вдруг он сейчас меня схватит? Конечно, он бы такого не сделал, он

хорошо ко мне относился, он сам говорил, что я ему нравлюсь, но я помнил, как загорелись его глаза, когда он сказал – буквально вчера! когда был еще жив! – что будь он моложе, он бы схватил этот новый источник дохода за яйца и сдавил бы со всей силы. И как он сжал руку в кулак, чтобы проиллюстрировать свою мысль.

Многие держатся мнения, будто я был жестким, безжалостным человеком, он сам так сказал.

Мертвецы не хватают живых. Такое бывает лишь в фильмах ужасов. Я это знал. Мертвецы – не жестокие и не безжалостные, они вообще *никакие*, но я все равно отошел от него подальше и только потом достал из кармана свой телефон. Не сводя глаз с мертвого мистера Харригана, я позвонил папе.

Папа сказал, что, наверное, я прав, но он все равно вызовет «скорую». На всякий случай. Он спросил, знаю ли я, кто был лечащим врачом мистера Харригана. Я сказал, что у него не было лечащего врача (и, судя по состоянию его зубов, не было и стоматолога). Я сказал, что никуда не уйду. Буду ждать здесь. Я так и сделал, но ждал снаружи. Прежде чем выйти из комнаты, я подумал, что надо бы переложить его свисающую руку обратно на колени. Я даже было шагнул к нему, но все же не смог заставить себя прикоснуться к его руке. Она оказалась бы холодной.

Но я взял его телефон. Это было не воровство. Наверное, это был знак скорби, потому что до меня только теперь нача-

ло доходить, что его больше нет. Я еще не осознал все масштабы потери, но мне хотелось взять что-то на память. Что-то, что принадлежало ему. Что-то, что было по-настоящему важно.

Наверное, это была самая многолюдная заупокойная служба из всех, происходивших в нашей церкви. И самый длинный похоронный кортеж за всю историю Харлоу. Этот кортеж в основном состоял из машин, взятых в прокате. Конечно, там были и местные жители, включая Пита Боствика, садовника мистера Харригана, и Ронни Смитса, который проделал большую часть ремонтных работ в его доме (и, я уверен, изрядно на этом обогатился), и миссис Гроган, его домработницу и экономку. Многие жители Харлоу пришли проводить в последний путь мистера Харригана, потому что в городе его любили и уважали, но большинство скорбящих (если они и вправду *скорбели*, а не приехали убедиться, что мистер Харриган действительно умер) составляли бизнесмены из Нью-Йорка. Родных у него не было. Вообще никого. Ни единой внучатой племянницы, ни одного троюродного брата. Он никогда не был женат, никогда не имел детей – наверное, отчасти поэтому папа с таким подозрением относился к нему, когда я только начал бывать в его доме, – и пережил всю остальную родню. Вот почему его тело обнаружил соседский мальчик, которому он платил за чтение вслух.

Мистер Харриган наверняка понимал, что его время на исходе, потому что оставил записку на столе у себя в кабинете, в которой очень подробно расписал, как именно надо организовать похороны. Распоряжения были предельно просты. Обо всем позаботится бюро ритуальных услуг «Хэй и Пибоди»: еще в 2004 году на их счет поступила немалая сумма от мистера Харригана, этих денег с лихвой хватит на похороны, и даже немного останется сверху. Он не хотел ни поминок, ни долгого прощания с телом, но хотел, чтобы его «привели по возможности в приличный вид», чтобы на заупокойной службе гроб стоял открытым.

Преподобный Муни должен был отслужить панихиду, а я – прочитать вслух отрывок из четвертой главы Послания к Ефесеянам: «Но будьте друг ко другу добры, сострадательны, прощайте друг друга, как и Бог во Христе простил вас». Читая это, я заметил, что некоторые приезжие бизнесмены выразительно переглянулись, словно по отношению к *ним* ныне покойный мистер Харриган не проявлял ни особенной доброты, ни особенного сострадания.

Он хотел, чтобы прозвучали три гимна: «Пребудь со мной», «Старый тяжкий крест» и «В райском саду». Он хотел, чтобы проповедь преподобного Муни длилась не больше десяти минут, и преподобный Муни завершил свою речь

даже раньше, уложившись в восемь минут и тем самым установив личный рекорд. В основном преподобный Муни перечислял все хорошее, что сделал мистер Харриган для Харлоу: например, выделил деньги на обустройство клуба «Юрика Грейндж» и ремонт крытого моста через реку Рой-ал. Когда объявили сбор средств на строительство городского бассейна, мистер Харриган единолично внес практически всю необходимую сумму, но категорически отказался от предложения мэрии назвать бассейн в его честь.

Преподобный Муни не сказал почему, но я знал. Мистер Харриган говорил, что если ты соглашаешься, чтобы твоим именем назвали какое-то сооружение, это не просто абсурдно и глупо, но унизительно и эфемерно. Слава мирская недолговечна. Пройдет лет пятьдесят, сказал он, или даже двадцать, и ты превратишься в никому не интересное имя на табличке, которую никто даже не замечает.

Исполнив свой долг, я сел рядом с папой на скамью в первом ряду, глядя на гроб в окружении букетов лилий. Нос мистера Харригана торчал вверх, словно задранный нос корабля. Я твердил себе, что не надо на него смотреть, не надо думать, что это смешно или жутко (или и то и другое вместе), что надо запомнить его живым, а не мертвым в гробу. Хороший совет, но мой взгляд вновь и вновь возвращался к этому носу, к этому гробу.

Завершив свою краткую речь, преподобный Муни поднял правую руку, держа ее ладонью вниз, благословил всех со-

бравшихся в церкви скорбящих и объявил:

– Кто желает проститься с покойным, можете подойти к гробу.

По рядам пробежал гул голосов, зашелестела одежда, люди принялись вставать со скамей. Вирджиния Хатлен что-то тихо наигрывала на органе, и внезапно я понял – со странным чувством, которое определил только годы спустя: это было ощущение полного сюрреализма, – что она играет по-пурри из песен кантри, включая «Wings of a Dove» Ферлина Хаски, «I Sang Dixie» Дуайта Йокама и, конечно, «Stand By Your Man». Значит, мистер Харриган оставил распоряжения даже насчет музыки для прощания, и я подумал: *Какой молодец*. В проходе уже выстраивалась очередь из местных жителей в спортивных пиджаках и камуфляжных штанах вперемежку с нью-йоркскими бизнесменами в элегантных костюмах и модных туфлях.

– Ты пойдешь, Крейг? – спросил папа. – Хочешь в последний раз на него посмотреть или нет?

Мне хотелось не просто на него посмотреть, мне надо было кое-что сделать. Но я не мог сказать об этом папе. Как не мог сказать и о том, до чего же мне плохо. До меня дошло только теперь. Не когда я стоял рядом с гробом и читал мертвому мистеру Харригану отрывок из Библии, как читал книги ему живому, а когда сидел на скамье и смотрел на его заострившийся, задранный кверху нос. Смотрел, очень остро осознавая, что гроб – это корабль, который сейчас унесет

мистера Харригана в его последнее путешествие. В небытие, в бесконечную тьму. Мне хотелось заплакать, и я *заплакал*, но уже потом, позже, когда меня никто не видел. Чего мне совсем не хотелось, так это лить слезы в присутствии незнакомых, чужих людей.

– Да, я пойду. Но встану в самом конце. Хочу быть последним.

Папа, да благословит его Господь, не спросил почему. Он вообще ничего не сказал, просто сжал мое плечо и встал в очередь. Я вышел в вестибюль, чувствуя себя немного неловко в пиджаке, который стал тесноват мне в плечах, потому что я все-таки начал расти. Когда конец очереди сместился на середину центрального прохода и я мог быть уверен, что точно буду последним и за мной больше никто не встанет, я тихонько пристроился за двумя бизнесменами, которые вполголоса обсуждали – вы не поверите – приобретение акций «Амазона».

Когда я подошел к гробу, музыка уже стихла. Амвон опустел. Наверное, Вирджиния Хатлен украдкой выскользнула на задний двор, чтобы выкурить сигаретку, а преподобный Муни удалился в ризницу, чтобы переодеться после торжественной службы и причесать свои три волосины. Из вестибюля доносился гул приглушенных голосов, там еще оставались какие-то люди, но в самой церкви не было никого, кроме меня и мистера Харригана. Мы снова были только вдвоем, как все эти годы в его большом доме на холме, откуда

открывались красивые виды, но все-таки не *настолько* красивые, чтобы привлечь туристов.

Его обрядили в темно-серый костюм, которого я никогда раньше не видел. Люди, готовившие к погребению его тело, слегка нарумянили ему щеки, чтобы он казался здоровым, вот только здоровые люди не лежат в гробу с закрытыми глазами, и солнечный свет не омывает их неподвижные лица в последний раз перед тем, как их навечно зароют в землю. Глядя на его руки, сложенные на груди, я вспомнил, как они лежали у него на коленях, когда я нашел его мертвым. Всего лишь несколько дней назад. Он был похож на огромную куклу, и мне было больно видеть его таким. Мне не хотелось здесь оставаться. Мне хотелось на улицу, на свежий воздух. Хотелось к папе. Хотелось домой. Но сначала мне нужно было кое-что сделать, и надо было поторопиться, пока преподобный Муни не вернулся из ризницы.

Я запустил руку во внутренний карман пиджака и достал телефон мистера Харригана. Когда я его видел в последний раз – в смысле, видел его живым, а не обмякшим в кресле и не лежащим, как кукла в коробке, в дорогом гробу, – мистер Харриган сказал, что он рад, что поддался на мои уговоры и оставил себе айфон. Он сказал, что по ночам, когда его доводит бессонница, телефон развлекает его, как добрый товарищ. Телефон был защищен паролем – как я уже говорил, мистер Харриган все схватывал на лету, если его что-то по-настоящему интересовало, – но я знал пароль: **pirate1**. Вче-

ра вечером, накануне похорон, я включил телефон и открыл приложение для заметок. Мне хотелось оставить ему сообщение.

Сперва я хотел написать: *Я вас люблю*, – но это была бы неправда. Он мне нравился, да, но все-таки я немного его побаивался. Так что нет, я его не любил. И мне кажется, что он тоже меня не любил. Вряд ли мистер Харриган любил хоть кого-то, кроме разве что своей мамы, которая растила его одна, когда их бросил отец (да, я провел изыскания). В конце концов я написал: *Для меня было честью работать у вас. Спасибо вам за открытки и лотерейные билеты. Я буду скучать.*

Я приподнял лацкан его пиджака, стараясь не прикоснуться к неподвижной груди под накрахмаленной белой рубашкой... но все же на долю секунды задел ее костяшками пальцев – и до сих пор помню то жуткое ощущение. Его грудь была твердой, как дерево. Я затолкал телефон в его внутренний карман и сразу отпрянул. Очень вовремя, как оказалось. Из боковой двери вышел преподобный Муни, на ходу поправляя галстук.

– Прощаешься, Крейг?

– Да.

– Хорошо. Это правильно. – Он приобнял меня за плечи и повел прочь от гроба. – Вы с ним провели столько времени вместе. Таким отношениям, я уверен, позавидовали бы многие. Почему бы тебе не выйти на улицу? Твой папа, на-

верное, тебя уже ищет. И будь добр, скажи мистеру Рафферти и всем остальным, кто понесет гроб, что все будет готово через пару минут.

Из ризницы вышел еще один человек, на ходу потирая ладони. Стоило только взглянуть на его строгий черный костюм с белой гвоздикой в петлице, сразу делалось ясно, что он был сотрудником похоронной конторы. Как я понимаю, в его обязанности входило закрыть гроб крышкой и убедиться, что все защелки держатся крепко. При виде этого человека меня охватил ужас смерти, и я поспешил выйти на улицу, где ярко светило солнце. Я не сказал папе, что нуждаюсь в объятии, но он все понял без слов и обнял меня крепко-крепко.

Не умирай, папа, подумал я. Пожалуйста, не умирай.

Служба на Ильмовом кладбище показалась уже не такой тягостной, потому что была короче и проходила на улице. Бизнес-менеджер мистера Харригана, Чарлз «Чик» Рафферти, коротко рассказал о разнообразной благотворительной деятельности своего клиента и даже вызвал приглушенные смешки среди слушателей, посетовав, что ему, Рафферти, приходилось терпеть «сомнительные музыкальные пристрастия» мистера Харригана. Это было единственное проявление человечности за всю речь мистера Рафферти. Он сказал, что работал «на мистера Харригана и с мистером Харриганом» без малого тридцать лет, и у меня не было повода сомневаться в правдивости его слов, но он, похоже, совершен-

но не знал мистера Харригана как человека, не считая его «сомнительного пристрастия» к певцам вроде Джима Ривза, Патти Лавлесс и Хенсона Каргилла.

Мне хотелось выйти вперед и сказать этим людям, собравшимся вокруг свежей могилы, что мистер Харриган сравнивал Интернет со сломанным водопроводом, из которого хлещет не вода, а информация. Мне хотелось сказать им, что у него в телефоне хранилось больше ста фотографий грибов. Мне хотелось сказать, что он любил овсяное печенье, которое пекла миссис Гроган, потому что оно очень даже способствует работе кишечника, и что, когда человеку уже за восемьдесят, ему больше не надо ходить по врачам и принимать витамины. Когда человеку уже за восемьдесят, ему можно есть сколько угодно рубленой солонины.

Но я не стал ничего говорить.

На этот раз отрывок из Библии прочел преподобный Мунни, о том, как все мы восстанем из мертвых, подобно Лазарю, в великое утро всеобщего воскресения. Потом он снова благословил всех скорбящих, и заупокойная служба закончилась. Мы разошлись по домам, вернулись к своим повседневным делам и заботам, а мистер Харриган лег в землю (с айфоном в кармане благодаря мне), и совсем скоро его могила зарастет травой, и мир уже никогда его не увидит.

Когда мы с папой подошли к машине, к нам приблизился мистер Рафферти. Он сообщил, что улетает в Нью-Йорк завтра утром, и спросил, можно ли заглянуть к нам сегодня

вечером. Сказал, что ему нужно кое-что обсудить.

Первое, что пришло мне на ум: это, наверное, как-то связано с украденным айфоном, — хотя я совершенно не представлял, откуда мистер Рафферти мог знать, что я взял телефон мистера Харригана, и к тому же он ведь уже вернулся к законному владельцу. *Если он спросит*, подумал я, *скажу, что это я подарил его мистеру Харригану*. Да и с чего бы мистера Рафферти вдруг заинтересовал какой-то телефон за шестьсот долларов, если дом мистера Харригана с прилегающей к нему землей наверняка стоил гораздо больше?

— Да, — сказал папа. — Приходите на ужин. Я буду делать мои фирменные спагетти болоньезе. Обычно мы ужинаем около шести вечера.

— Спасибо за приглашение. — Мистер Рафферти достал из кармана белый конверт, на котором было написано мое имя. Я сразу же узнал почерк. — Возможно, это письмо объяснит, что именно я хочу обсудить. Я получил его на хранение в позапрошлом месяце вместе с распоряжением держать его у себя до тех пор, пока... э... пока не придет время вручить его адресату.

Как только мы сели в машину, папа расхохотался. Он буквально рыдал от смеха. Он смеялся и бил ладонями по рулю, смеялся и хлопал себя по бедру, смеялся, и утирал слезы, и никак не мог остановиться.

— Ты чего? — спросил я, когда он чуть-чуть успокоился. — Что смешного?

– Других вариантов у меня нет, – сказал он.

Он уже не хохотал, но все еще посмеивался.

– Что за фигня? Ты о чем?

– Я думаю, Крейг, он упомянул тебя в завещании. Открой конверт. Посмотри.

В конверте было письмо. В классическом стиле мистера Харригана: никаких цветочков и слащавых сердечек, даже без «Дорогой» в обращении – все очень четко и все по делу. Я прочел письмо вслух, чтобы папа тоже послушал.

Крейг, если ты это читаешь, значит, я уже умер. Я оставил тебе \$800 000 на доверительном счете. Попечителями я назначил твоего отца и Чарлза Рафферти, моего давнего бизнес-менеджера, который теперь станет еще и моим душеприказчиком. По моим подсчетам, этой суммы будет достаточно для оплаты четырех лет обучения в университете, а после и в магистратуре, если ты соберешься продолжить образование. Оставшихся денег должно хватить, чтобы продержаться первое время, когда ты начнешь строить карьеру на выбранном поприще.

Ты говорил, тебе хочется стать киносценаристом. Если ты действительно этого желаешь, конечно, дерзай. Но я такой выбор не одобряю. На эту тему есть один неприличный анекдот. Я не буду его пересказывать, но ты без труда найдешь его в своем телефоне, набрав в поиске ключевые слова: «сценарист» и «старлетка». В этой шутке есть из-

рядная доля правды, которую, я уверен, ты способен уразуметь даже в столь юном возрасте. Кино эфемерно, в то время как книги — хорошие книги — вечны или почти вечны. Ты прочел мне немало хороших книг, но еще больше хороших книг только ждут, чтобы их написали. На этом я умолкаю.

Хотя твой отец наделен правом вето по всем вопросам, касающимся твоего доверительного счета, я бы настоятельно рекомендовал не использовать это право относительно любых инвестиций, предложенных мистером Рафферти. Чик хорошо знает рынок. Даже за вычетом расходов на обучение твои нынешние \$800 000 могут вырасти до миллиона — и больше — к тому времени, когда тебе исполнится 26 лет. Тогда завершится срок действия доверительного управления, и ты сможешь распоряжаться деньгами со счета по собственному усмотрению, тратить их (или вкладывать в акции, что гораздо мудрее), как сочтешь нужным. Для меня наши дневные встречи всегда были большим удовольствием.

Искренне твой,
мистер Харриган

PS: Я рад, что тебе нравились мои открытки с вложениями.

От этого постскриптума меня пробрала дрожь. Мистер Харриган как будто ответил на мое сообщение в его айфоне, которое я вбил в приложение для заметок, когда решил по-

ложить телефон к нему в гроб.

Папа уже не хохотал и не посмеивался, но он улыбался.

– Как ощущения от внезапно свалившегося богатства, Крейг?

– Нормальные ощущения, – ответил я. Ну, а как же иначе? Это был очень щедрый подарок, но не меньше – может, даже больше – меня порадовало, что мистер Харриган так хорошо обо мне думал. Циники, наверное, скажут, что я пытаюсь изображать из себя ангела во плоти, но нет, я вовсе не ангел. Просто эти деньги напоминали фрисби, которое застряло в ветвях высоченной сосны на нашем заднем дворе, когда мне было лет восемь-девять: я знал, где оно, но не мог до него дотянуться. И меня это совсем не печалило. На тот момент у меня было все, что нужно. Все, кроме мистера Харригана. Что я теперь буду делать каждый день в будни после уроков? Куда мне девать столько времени?

– Беру обратно все свои прежние слова, что он жмот и сквалыга, – сказал папа, пристраиваясь следом за сияющим черным джипом, который кто-то из приезжих бизнесменов взял в прокате в аэропорту Портленда. – Хотя...

– Хотя что? – спросил я.

– Если принять во внимание отсутствие родственников и общую сумму его капитала, он мог бы оставить тебе как минимум миллиона четыре. Может, и все шесть. – Он увидел мое лицо и опять рассмеялся. – Я шучу, Крейг. Шучу.

Я ударил его кулаком по плечу и врубил радио, сразу пе-

реключившись с Дабл-ю-би-эл-эм («Рок-н-ролл в Мэне») на Дабл-ю-ти-эйч-ти («Первая станция кантри штата Мэн»). Я уже тогда пристрастился к кантри и вестерну. И слушаю их до сих пор.

Мистер Рафферти пришел к нам на ужин и съел огромную порцию папиных спагетти. Для такого тощего дяденьки он отличался отменным аппетитом. Я сказал, что уже прочитал про доверительный счет и очень ему благодарен. На что он ответил:

– Благодарю не *меня*.

Он рассказал нам с папой, как именно предлагает распорядиться деньгами. Папа ответил, что полностью доверяет суждениям мистера Рафферти, но просит держать его в курсе. Он сам выступил с предложением вложить часть моих денег в акции «Джона Дира», потому что они развиваются как сумасшедшие. Мистер Рафферти сказал, что рассмотрит такой вариант, и позже я узнал, что он действительно приобрел акции «Дир энд компани», хотя и чисто символически. Большая часть моих денег была вложена в акции «Эппла» и «Амазона».

После ужина мистер Рафферти поздравил меня и пожал мне руку.

– У Харригана было очень мало друзей. Тебе повезло, Крейг, что ты попал в их число.

– А ему повезло, что Крейг стал его другом, – тихо произ-

нес папа, обнимая меня за плечи. От этих слов у меня встал комок в горле, и когда мистер Рафферти ушел, я немного поплакал, закрывшись у себя в комнате. Я старался плакать беззвучно, чтобы папа ничего не услышал. Может быть, он не услышал; или услышал, но понял, что мне надо побыть одному.

Когда слезы закончились, я включил свой телефон, открыл «Сафари» и вбил в строку поиска «сценарист» и «старлетка». В анекдоте, который предположительно был придуман писателем по имени Питер Фейблман, говорится о юной старлетке, настолько тупой, что она переспала со сценаристом. Может быть, вы его знаете. Я не знал, но понял, о чем говорил мистер Харриган.

В ту ночь меня разбудил гром. Я проснулся около двух и снова с пронзительной ясностью осознал, что мистер Харриган умер, что его больше нет. Я помню, о чем тогда думал: вот я лежу у себя в кровати, а он – в могиле, в земле. На нем темно-серый костюм, который теперь будет на нем всегда. Его руки сложены на груди и так и останутся сложенными на груди, пока не превратятся в голые кости. Если гроза приближается, если сейчас будет дождь, то вода просочится под землю и намочит его гроб. Его могила не залита цементом, не накрыта бетонной крышкой; он оставил такое распоряжение в своем «предсмертном письме», как его назвала миссис Гроган. Со временем деревянная крышка гроба сгниет. Как

сгниет и костюм. Айфон, сделанный в основном из пластика, продержится дольше, чем костюм или гроб, но когда-нибудь тоже исчезнет. Ничто не вечно, кроме разве что воли Божьей, но даже в тринадцать лет у меня были большие сомнения на этот счет.

Мне вдруг захотелось услышать его голос.

И я понял, что это возможно.

Это был жутковатый поступок (особенно в два часа ночи), жутковатый и даже какой-то нездоровый. Я это знал, но я знал и другое: если я все же решусь это сделать, мне удастся заснуть. Поэтому я схватил телефон, открыл список контактов и позвонил мистеру Харригану. У меня по спине пробежал холодок, когда я осознал одну простую истину, связанную с технологией сотовой связи: где-то на Ильмовом кладбище, под землей, в кармане у мертвеца, Тэмми Уайнетт запела отрывок из «Stand By Your Man».

А затем в трубке, прижатой к моему уху, раздался голос, спокойный и четкий, разве что чуть скрипучий от старости: «Я сейчас не могу подойти к телефону. Я вам перезвоню, если сочту нужным».

А вдруг он *и вправду* перезвонит? Вдруг он перезвонит?

Я завершил звонок еще до того, как раздался сигнал перед записью сообщения, и снова забрался под одеяло. Но потом передумал, опять вскочил и схватил телефон. Не знаю почему. На этот раз я дождался сигнала и сказал:

– Я скучаю по вам, мистер Харриган. Я вам очень благо-

дарен за деньги, но лучше бы не было никаких денег. Лучше бы вы были живы. — Я секунду помедлил. — Может, вы мне не поверите, но это правда. Честное слово.

Затем я опять лег в постель и уснул почти сразу, как только коснулся головой подушки. В ту ночь мне не снилось вообще ничего.

Утром, только проснувшись, я первым делом включил телефон. У меня была такая привычка: начинать день с просмотра новостей в новостном приложении, чтобы убедиться, что за ночь не началась третья мировая война и нигде не случилось терактов. В то утро, на следующий день после похорон мистера Харригана, когда я включил телефон, там был красный кружок на иконке SMS. Мне пришло сообщение. Я подумал: наверное, от Билли Богана, моего друга и одноклассника, у которого была «Моторола», либо от Марджи Уошберн, у которой был «Самсунг»... хотя в последнее время Марджи мне почти ничего не писала. Наверное, Реджина похвасталась, как мы с ней целовались.

Знаете, как пишут в книгах: «у такого-то в жилах застыла кровь»? Я всегда думал, что это просто образное выражение. Но нет, так бывает на самом деле. Я точно знаю, потому что моя кровь и вправду застыла. Я сидел на кровати, потрясенно уставившись на экран своего телефона. Сообщение пришло от **pirateking1**.

Из кухни доносился грохот и звон. Папа пытался достать

сковородку из шкафчика рядом с плитой. Он, очевидно, решил приготовить нам горячий завтрак, который старался готовить не реже раза в неделю. Я позвал его:

– Папа!

Но грохот и звон не стихали, и я услышал, как папа воскликнул в сердцах что-то вроде: *Ну, вылезай уже, чертова посудина.*

Он меня не услышал, и не только потому, что дверь моей комнаты была закрыта. Я сам себя почти не слышал. От сообщения, открывшегося в телефоне, у меня в жилах застыла кровь и пропал голос.

Предпоследнее сообщение в списке пришло за четыре дня до смерти мистера Харригана: **Сегодня не надо поливать цветы, миссис Г уже все полила.** А под ним было еще одно: **К К К аа.**

Оно было отправлено в 02:40.

– Папа! – крикнул я уже громче, но все равно недостаточно громко. Не знаю, когда я расплакался, еще в комнате или уже на лестнице, куда выскочил прямо в трусах и футболке с эмблемой «Гейтс-Фоллз тайгерз».

Папа стоял у плиты спиной к двери. Он все же сумел вытащить сковородку и теперь грел на ней масло. Он услышал, как я вошел, и сказал не обернувшись:

– Надеюсь, ты голоден. Я – так да.

– Папа. Папочка.

Тут он все-таки обернулся, потому что я не называл его

«папочкой» уже лет пять или шесть. Он увидел, что я не одет. Увидел, что я заливаюсь слезами. Увидел, что я держу телефон в вытянутой руке. И вмиг забыл о своей сковородке.

– Крейг, что с тобой? Что случилось? Тебе приснился кошмар о похоронах?

Да, кошмар. Только он мне не приснился, и, может быть, было уже слишком поздно – он ведь был очень старым, – но, может быть, и не поздно.

– Ой, папа, – выдохнул я и зачастил, глотая слезы: – Он не умер. Он жив. По крайней мере был жив в половине третьего ночи. Надо его откопать. Надо срочно его откопать, потому что мы похоронили его живым.

Я рассказал ему все. Как я взял телефон мистера Харригана и как положил его к нему в карман после службы в церкви. Потому что он многое для него значил, объяснил я. И еще потому, что это был *мой* подарок *ему*. Я рассказал, как позвонил мистеру Харригану посреди ночи и бросил трубку, но тут же перезвонил и оставил ему сообщение на голосовую почту. Мне не нужно было показывать папе ответное текстовое сообщение, потому что он его уже видел. Рассмотрел каждую букву.

Масло на сковороде начало пригорать. Папа поднялся из-за стола и убрал ее с горячей конфорки.

– Как я понимаю, яичницу ты не будешь. – Он вернулся за стол, но сел не напротив меня, как обычно, а рядом со мной.

Потом взял меня за руку и сказал: – А теперь послушай меня.

– Да, я сам понимаю, что это был странный поступок, – сказал я. – Даже, наверное, ненормальный поступок. Но если бы я ему не позвонил, мы бы и не узнали. Нам надо...

– Сынок...

– Нет, пап, послушай! Надо, чтобы к нему срочно кого-то отправили! Экскаватор, бульдозер, пусть даже просто людей с лопатами! Может быть, он еще...

– Крейг, перестань. Это был спуфинг.

Я уставился на него, открыв рот. Я знал, что такое спуфинг, но мне даже в голову не приходило, что нечто подобное может случиться со мной – да еще посреди ночи!

– Сейчас повсюду мошенники, – сказал папа. – Их все больше и больше. У нас на работе даже было собрание, где нам рассказывали о безопасности в Интернете. Кто-то пробрался в мобильный телефон мистера Харригана. Клонировал номер. Понимаешь, о чем я?

– Да, конечно. Но, папа...

Он сжал мою руку.

– Видимо, кто-то пытается вызнать его коммерческие секреты.

– Он давно отошел от дел!

– Но держал руку на пульсе, он сам так говорил. Может быть, кто-то пытался узнать данные его банковской карты, чтобы украсть с нее деньги. Как бы там ни было, этот мошенник получил твоё голосовое сообщение на клонированном

телефоне и решил тебя разыграть.

– Мы точно не знаем, – сказал я. – Папа, надо проверить!

– Не надо. И я объясню почему. Мистер Харриган был человеком богатым и умер в одиночестве, без свидетелей. К тому же он много лет не посещал врачей, хотя, я уверен, Рафферти изрядно трепал ему нервы по этому поводу, хотя бы потому, что без заключения медиков он не мог обновить страховку мистера Харригана и покрыть большую часть налога на наследство. В силу этих причин было назначено вскрытие. Собственно, так они и узнали, что он умер от прогрессирующей сердечной недостаточности.

– Его разрезали?

Мне сразу вспомнилось, как я случайно задел пальцами его грудь, когда клал телефон ему в карман. Значит, там, под его накрахмаленной белой рубашкой и черным галстуком, были зашитые разрезы? Если папа говорил правду, то да. Зашитые длинные разрезы в форме буквы Y. Я знал, как это бывает. Видел по телевизору. В сериале «Место преступления».

– Да, – ответил папа. – Я не хотел тебе этого говорить, не хотел, чтобы мысли о вскрытии тебя угнетали. Но лучше уж так, чем если ты будешь думать, что его похоронили заживо. Он умер, Крейг. Это точно. Понимаешь меня?

– Да.

– Хочешь, я останусь дома? Я могу взять отгул на работе.

– Нет, все нормально. Ты прав. Это был спуфинг.

Но испугался я основательно.

– Что собираешься делать сегодня? Потому что, если ты будешь страдать и предаваться унынию, я лучше останусь дома, с тобой. Можем махнуть на рыбалку.

– Я не буду страдать и предаваться унынию. Но я пойду домой к мистеру Харригану и полью цветы.

– Ты уверен, что это хорошая мысль? – Он смотрел на меня очень пристально.

– Мне хочется что-нибудь для него сделать. И я хочу поговорить с миссис Гроган. Узнать, назначил ли он и ей тоже... не помню, как оно называется.

– Содержание. Ты очень внимательный и заботливый. Хотя она, может быть, скажет, что это не твоего ума дело. Она настоящая янки старой закалки.

– Если он ей ничего не оставил, я бы хотел поделиться с ней частью моего наследства.

Папа улыбнулся и поцеловал меня в щеку.

– Ты добрый мальчик. Твоя мама тобой бы гордилась. Ты точно в порядке?

– Ага.

Чтобы доказать, что я точно в порядке, я съел тост и яичницу, хотя у меня совсем не было аппетита. Папа наверняка прав: украденный пароль, клонированный телефонный номер, жестокий розыгрыш. Это не мог быть мистер Харриган, чьи внутренности перемешали, как салат, и чью кровь заменили формальдегидом.

Папа ушел на работу, а я отправился в дом мистера Харригана. Миссис Гроган пылесосила ковер в гостиной. Она не напевала за работой, как раньше, но держалась довольно спокойно. Когда я закончил поливать цветы, она пригласила меня на кухню, выпить чашечку чаю.

— Есть печенье, — сказала она.

Пока миссис Гроган ставила чайник, я рассказал ей о письме мистера Харригана и о деньгах на доверительном счете, открытом на мое имя для оплаты учебы в университете.

Миссис Гроган по-деловому кивнула, словно и не ожидала ничего другого, и сказала, что тоже получила конверт от мистера Рафферти.

— Босс обо мне позаботился. Оставил мне больше, чем я ожидала. Может быть, больше, чем я заслуживаю.

Я сказал, что чувствую то же самое.

Миссис Гроган поставила на стол две большие кружки с чаем и тарелку с домашним овсяным печеньем.

— Он его любил, — вздохнула она.

— Да. Говорил, что оно очень способствует работе кишечника.

Она рассмеялась. Я взял с тарелки печенье и откусил кусочек. Пока я жевал, мне вспомнился отрывок из Первого

послания к Коринфянам, который я читал на собрании Клуба юных методистов в Страстной четверг и на Пасхальной службе всего лишь несколько месяцев назад: «Взял хлеб и, возблагодарив, преломил и сказал: приимите, ядите, сие есть Тело Мое, за вас ломимое; сие творите в Мое воспоминание». Печенье – это, конечно, не святое причастие, и преподобный Муни наверняка объявил бы богохульством подобные мысли, но мне все равно показалось, что в этом есть что-то правильное: помянуть мистера Харригана, угостившись его любимым печеньем.

– О Пите он тоже позаботился, – нарушила молчание миссис Гроган, имея в виду Пита Боствика, садовника.

– Это здорово, – сказал я и взял еще одно печенье. – Он был хорошим человеком, да?

– Вот насчет этого я не уверена, – задумчиво проговорила она. – Он был честным, порядочным, это да, но его лучше было не злить. Помнишь Дасти Билодо? Хотя нет, это было еще до тебя. Ты его не застал.

– Из тех Билодо, что живут в трейлерном парке?

– Ну да. Рядом с супермаркетом. Хотя самого Дасти там уже нет. Как я понимаю, он давным-давно отбыл в дальние края. Он был садовником до Пита, но не проработал и восьми месяцев. Мистер Харриган поймал его на воровстве и тут же уволил. Не знаю, сколько он взял и как мистер Харриган об этом узнал, но одним увольнением все не ограничилось. Ты сам знаешь, как много хорошего мистер Харриган сделал

для этого городка. Муни в своей речи не перечислил даже и половины его добрых дел. Может быть, потому, что не знал. Или, может, ему попросту не хватило времени. Благотворительность весьма полезна для души, но она также дает человеку немалую власть, и мистер Харриган использовал свою власть, чтобы испортить жизнь Дасти Билодо.

Миссис Гроган покачала головой. Как мне показалось, даже с некоторым восхищением. Она и вправду была янки старой закалки.

– Надеюсь, Дасти сумел прихватить хотя бы две сотни долларов из стола мистера Харригана, или из шкафа, или откуда еще, я не знаю. Потому что это были последние деньги, которыми он разжился во всем городе Харлоу, во всем округе Касл и во всем штате Мэн. Его никто не брал на работу. Он не смог бы устроиться даже чернорабочим на ферму Дорранса Марстеллара, чтобы сгребать куриный помет. Мистер Харриган лично за этим проследил. Он был честным, порядочным человеком, наш мистер Харриган, но не дай бог, если ты сам не таков. Бери еще печенье.

Я взял печенье.

– И пей чай, малыш.

Я отпил чаю.

– Я, наверное, сейчас поднимусь наверх. Может быть, перестелю кровати вместо того, чтобы просто снять все белье. Пусть пока будут застелены. Как думаешь, что теперь будет с домом?

– Я не знаю.

– Я тоже. Не имею ни малейшего понятия. Даже не представляю, кто его купит. Мистер Харриган был единственным в своем роде. И все это... – Она широко развела руками. – Все это тоже.

Я подумал о стеклянном лифте и решил, что она права. Миссис Гроган взяла еще одно печенье.

– И все его комнатные растения... Вот куда их теперь?

– Я бы взял парочку, если можно, – сказал я. – А насчет остальных я не знаю.

– Вот и я тоже. И холодильник забит под завязку. Наверное, надо забрать все продукты. Поделим их на троих: тебе, мне и Питу.

Примите, ядите, подумал я. Сие творите в Мое воспоминание.

Миссис Гроган тяжело вздохнула.

– Я в основном не знаю, куда себя деть. Дел-то почти не осталось, я их растягиваю, как могу, чтобы было чем себя занять. И что со мной будет потом, я не знаю. Честное слово, не знаю. А что ты сам, Крейг? Что ты теперь собираешься делать?

– Прямо сейчас я собираюсь спуститься в подвал и опрыскать его грифолу курчавую, – ответил я. – И, если можно, я бы забрал домой узамбарскую фиалку.

– Конечно, можно, – сказала она. – Бери все, что хочешь.

Она пошла наверх, а я – вниз, в подвал, где мистер Харри-

ган выращивал грибы в больших стеклянных террариумах. Опрыскивая их, я размышлял о сообщении, пришедшем ночью от **pirateking1**. Папа наверняка прав, это чья-то дурацкая шутка. С другой стороны, если бы кто-то решил меня разыграть, он мог бы придумать и что-нибудь поостроумнее, чем набор букв. Например: **Спасите, я заперт в гробу**. Или: **Разлагаюсь, просьба не беспокоить**. Разве нет? С чего бы этот шутник отправил мне двойное **а**, которое, если произнести его вслух, звучит как клекот в горле или предсмертный хрип? И зачем он прислал мне мой собственный инициал? Причем не один и не два, а три раза?

В итоге я забрал из дома мистера Харригана четыре растения: узамбарскую фиалку, антуриум, пеперомию и диффенбахию. Я принес их домой и расставил по комнатам, а к себе в спальню взял диффенбахию, которая нравилась мне больше всех. Но я сам понимал, что просто тяну время. Расставив горшки по местам, я взял из холодильника бутылку лимонада, сел на велосипед и поехал на Ильмовое кладбище.

Оно было пустынно в тот жаркий летний полдень, и я направился напрямик к могиле мистера Харригана. Там уже стояло надгробие: очень простое и скромное, гранитная плита с именем и датами рождения и смерти. Было много цветов, до сих пор свежих (но уже скоро они увянут), большинство букетов – с прикрепленными к ним визитными карточками. Самый большой букет, предположительно собранный

с клумб в саду самого мистера Харригана – не из скупости, а в знак уважения, – был от семьи Пита Боствика.

Я встал на колени, но не для того, чтобы молиться. Я достал из кармана свой телефон и сжал его в руке. Сердце билось так сильно, что у меня перед глазами плясали черные точки. Я открыл список контактов и позвонил мистеру Харригану. Потом наклонился вперед, прижался ухом к земле над могилой и напряг слух, пытаюсь расслышать голос Тэмми Уайнетт.

Мне показалось, что я ее слышу, хотя, возможно, мне просто почудилось. Все-таки звук шел у него из кармана, сквозь ткань пиджака, сквозь крышку гроба, сквозь шесть футов земли. И все-таки мне показалось, что я ее слышу. Нет, вовсе не показалось: я был уверен, что слышу ее. Там, под землей, телефон мистера Харригана пел «Stand By Your Man».

Другим ухом, не прижатым к земле, я слышал его голос, очень слабый, но хорошо различимый в полусонной кладбищенской тишине: «Я сейчас не могу подойти к телефону. Я вам перезвоню, если сочту нужным».

Только теперь он уже никогда не перезвонит. Потому что он умер.

Я поднялся и поехал домой.

В сентябре 2009-го я пошел в новую школу, в среднюю школу в Гейтс-Фоллзе, вместе с моими друзьями: Марджи, Реджиной и Билли. Нас возил в школу старенький микро-

автобус, из-за чего ребята из Гейтса дали нам насмешливое прозвище «микромалышки». Со временем я заметно подрос (хотя все равно не достал до шести футов, остановился в двух дюймах от вожаемой отметки, из-за чего очень страдал), но в первый день в новой школе я был самым мелким из всех восьмиклассников. Иными словами, я оказался идеальной мишенью для Кенни Янко, здорового лося, второгодника и первого школьного хулигана, чью фотографию следовало бы поместить в толковом словаре в качестве иллюстрации к слову «бандит».

На первом уроке всех новых учеников из трех так называемых «внешкольных городов» – Харлоу, Моттона и Шилох-Черча – согнали в актовый зал на собрание. С речью выступил тогдашний директор (он оставался директором еще много лет), высокий, нескладный дядька с такой блестящей лысиной, что она казалась отполированной. Его звали Альберт Дуглас, а школьники между собой называли его либо Алко-Алом, либо Дугом-в-Дугарину. Никто из ребят ни разу не видел его бухим, но все почему-то считали, что он пьет, как конь.

Мистер Дуглас поднялся на подиум, поприветствовал «наших замечательных новых учеников» и рассказал обо всех радостях жизни, которые нас ожидают в грядущем учебном году. В том числе: школьный оркестр, кружок хорового пения, дискуссионный клуб, фотокружок, кружок будущих фермеров Америки и любые спортивные секции на выбор

(при условии, что это бейсбол, бег, европейский футбол или лакросс – американский футбол начинается в старших классах). Раз в месяц в школе бывают «Нарядные пятницы», когда мальчики должны приходить на уроки в галстуках и пиджаках, а девочки – в платьях (обратите внимание: минимальная длина юбки – на два дюйма выше колена, и никак не короче). В конце мистер Дуглас сказал, что в этом году не должно быть никаких «ритуальных посвящений» для иногородних учеников. То есть для нас. В прошлом году кто-то из новеньких из Вермонта попал в больницу после того, как его силой заставили выпить залпом три бутылки «Гейторейда»². И теперь в школе категорически запрещены все посвящения. После чего мистер Дуглас пожелал нам удачи в нашем «увлекательном образовательном приключении», и мы разошлись по классам.

Мои страхи заблудиться в огромном здании новой школы оказались напрасными. Во-первых, она была не такой уж и огромной, а, во-вторых, все наши уроки, кроме английского, проходили на втором этаже. Все учителя мне понравились. Я немного переживал за математику, но, как выяснилось, мы начали примерно с той же темы, на которой закончили в прошлом учебном году в старой школе, так что все было не так уж и страшно. На самом деле, все было отлично – пока не наступила четырехминутная перемена между шестым и седьмым уроками.

² Энергетический напиток.

Седьмым уроком как раз был английский, и я пошел к лестнице по длинному коридору, мимо хлопающих дверей шкафчиков, мимо шумных компаний ребят, мимо столовой, откуда доносился запах макарон с мясом в томатном соусе. Буквально у самой лестницы кто-то схватил меня за плечо.

– Эй ты, новенький. Погоди.

Я обернулся и увидел громадного шестифутового тролля с прыщавым лицом. Его черные волосы длиной до плеч свисали сальными сосульками. Маленькие темные глазки таранились на меня из-под покатого лба и искрились фальшивым весельем. Одет он был в прямые узкие джинсы и обшарпанные байкерские ботинки. В одной руке он держал бумажный пакет.

– Вот, это тебе.

Не понимая, что происходит, я взял пакет. Мимо нас проходили другие ребята, кто-то украдкой косился на парня с длинными сальными волосами.

– Загляни внутрь.

Я заглянул. Там лежала тряпка, сапожная щетка и баночка крема для обуви. Я попытался отдать ему пакет обратно.

– Мне пора на урок.

– Не спеши, новенький. Сперва почисти мне ботинки.

Теперь все стало ясно. Это было «ритуальное посвящение», и хотя буквально сегодня утром директор сказал, что в школе подобные ритуалы категорически запрещены, я бы, наверное, это сделал. Но вокруг было много ребят, и я пред-

ставил, что они все увидят, как я, мелкий шпендель, деревенский мальчишка из Харлоу, стою на коленях и чищу ботинки этому уроду. Слух мгновенно разлетится по школе. И все равно я бы, наверное, это сделал, потому что он был намного крупнее меня и мне не понравился его взгляд. *Знаешь что, новенький? Я с большим удовольствием изобью тебя в фари,* говорил этот взгляд. *Лишь дай мне повод.*

А потом я представил, что сказал бы мистер Харриган, если бы увидел, как я униженно чищу ботинки этому лосю.

– Нет, – произнес я.

– «Нет» – это неправильный ответ, о котором ты точно потом пожалеешь, – сказал он. – Уж поверь мне на слово.

– Мальчики? Что тут у вас? Какие-то проблемы?

К нам подошла мисс Харгенсен, моя учительница географии. Молодая и красивая, она, наверное, только недавно окончила педагогический институт, но держалась уверенно, и все в ней говорило, что она умеет за себя постоять.

Троль покачал головой: никаких проблем.

– Все хорошо, – сказал я, возвращая пакет владельцу.

– Как тебя зовут? – спросила мисс Харгенсен. Она смотрела не на меня.

– Кенни Янко.

– А что у тебя в пакете, Кенни?

– Ничего.

– Это, случайно, не набор для «ритуального посвящения»?

– Нет, – сказал он. – Мне пора на урок.

Мне тоже было пора на урок. Толпа ребят на лестнице уже поредела, и звонок должен был прозвенеть совсем скоро.

– Да, Кенни, конечно. И все-таки задержись на секундочку. – Она переключила внимание на меня: – Крейг, верно?

– Да, мэм.

– Что там в пакете, Крейг? Мне просто любопытно.

Я подумал, что надо сказать ей правду. Не из-за дурацкого кодекса чести бойскаута, в котором честность превышает все, а потому, что он меня напугал и я разозлился. И еще потому (признаюсь как на духу), что вмешательство кого-то из взрослых очень бы мне помогло. Но потом я подумал: *А как бы в такой ситуации поступил мистер Харриган? Стал бы он ябедничать или нет?*

– Там его обед, – сказал я. – Половинка сэндвича. Он хотел меня угостить.

Если бы она забрала у него пакет и заглянула внутрь, у нас обоих были бы крупные неприятности, но она не стала... хотя, я уверен, знала правду. Она велела нам идти в класс и ушла, стуча каблучками как раз такой высоты, которая приличествует школьной учительнице.

Я пошел вниз по лестнице, но Кенни Янко снова схватил меня за плечо.

– И все-таки, новенький, тебе надо было почистить мои ботинки.

Тут я разозлился уже всерьез.

– Я только что спас твою задницу. Ты мог бы сказать мне спасибо.

Он густо покраснел, что совершенно не шло к его рже в густой россыпи вулканических прыщей.

– Тебе надо было почистить мои ботинки, – повторил он и пошел прочь, но тут же остановился и обернулся ко мне, по-прежнему сжимая в руках свой глупый бумажный пакет. – В жопу твоё спасибо. И сам иди в жопу.

Неделю спустя Кенни Янко поругался с мистером Арсено, нашим учителем труда, и швырнул в него наждачным бруском. За два года учебы в средней школе Гейтс-Фоллза Кенни получил ни много ни мало три строгих предупреждения с временным отстранением от занятий – после нашего с ним столкновения у лестницы я узнал, что он был своего рода легендой, – и это стало последней каплей. Его исключили из школы, и я думал, что мои проблемы закончились сами собой.

Как в большинстве школ в небольших городах, в средней школе Гейтс-Фоллза были свои традиции. Много традиций. Те же «Нарядные пятницы», и «Наполни сапог» (что означает сбор средств в пользу местной пожарной команды), и «Пробеги милую» (двадцать кругов вокруг спортзала на физкультуре), и пение школьного гимна на ежемесячных общих собраниях.

Среди этих традиций был ежегодный осенний бал, что-то

вроде школьного дня Сэди Хокинс, когда девушки приглашали парней. Меня пригласила Марджи Уошберн, и, конечно, я принял ее приглашение, потому что хотел с ней дружить, хотя она мне не нравилась в *этом* смысле. Я попросил папу отвезти нас на машине, и он с радостью согласился. Реджина Майклс пригласила Билли Богана, так что у нас было как бы свидание вчетвером. И свидание очень даже хорошее, потому что Реджина шепнула мне в читальном зале, что она пригласила Билли лишь потому, что он мой лучший друг.

Все шло замечательно до первого перерыва, когда я вышел из зала, чтобы слить выпитый пунш. У самой двери в мужской туалет кто-то схватил меня сзади, одной рукой – за ремень на брюках, другой – за шею, и потащил по коридору к боковому выходу на школьную автостоянку. Если бы я не выставил руку, Кенни впечатал бы меня лицом прямо в дверь.

Я хорошо помню, что было дальше. Не знаю, почему неприятные воспоминания из детства и ранней юности остаются такими живыми и яркими, но могу точно сказать, что с годами они не теряют своей остроты. А это *очень* неприятное воспоминание.

Вечерний воздух оказался поразительно холодным после жаркого зала (где к тому же еще было влажно из-за испарений, исходивших от юных созревающих тел). Я видел, как лунный свет сверкал на хромированных деталях двух авто-

мобилей, принадлежавших учителям, которые в тот вечер наблюдали за порядком на школьном балу: мистеру Тейлору и мисс Харгенсен (новым учителям всегда приходилось дежурить на массовых мероприятиях, потому что это была, как вы, наверное, уже догадались, освященная веками традиция в средней школе Гейтс-Фоллза). Я слышал, как выхлопные газы выстреливают из глушителя мчащейся по шоссе номер 96 машины. Я почувствовал, как горячая боль обожгла мне ладони, когда Кенни Янко швырнул меня на асфальт.

– Теперь вставай, – скомандовал он. – Тебя ждет работа.

Я поднялся. Посмотрел на свои ладони и увидел, что они содраны до крови.

На капоте одной из машин стоял бумажный пакет. Кенни схватил его и протянул мне.

– Почисти мои ботинки. И мы будем в расчете.

– Иди в жопу, – сказал я и со всей силы ударил его кулаком в глаз.

Яркие воспоминания, да? Я помню каждый его удар: всего их было пять. Помню, как на последнем ударе я отлетел к стене школьного здания и врезался в нее спиной. Помню, как я уговаривал свои ноги не гнуться, но они все равно подогнулись, и я медленно сполз по стене. Помню музыку, доносившуюся из зала, негромко, но вполне различимо: «Boom Boom Pow» группы «Black Eyed Peas». Помню, как Кенни стоял надо мной. Помню, как он сказал: «Если кому-то расскажешь, ты – труп». Но лучше всего я помню – и дорожу

этим воспоминанием, – какое безумное, дикое удовольствие я испытал, когда мой кулак врезался в его рожу. Я ударил всего один раз, но это был четкий удар.

Бум-бум-бац.

Когда Кенни ушел, я достал из кармана свой телефон. Убедившись, что он не разбился, я позвонил Билли. Ничего лучше я не придумал. Он ответил на третьем гудке, ему приходилось кричать, чтобы его было слышно сквозь грохот музыки Флоу Райда. Я попросил его выйти ко мне и привести мисс Харгенсен. Я не хотел впутывать учителей, но даже при том, что у меня жутко звенело в ушах, хорошо понимал, что учителя все равно узнают и нет смысла оттягивать неизбежное. Лучше решить все сразу. Я подумал, что именно так поступил бы мистер Харриган.

– А зачем? Что случилось?

– Меня избили, – ответил я. – Я не хочу заходить внутрь. Вид у меня, прямо скажем, неважный.

Он пришел через три минуты и привел не только мисс Харгенсен, но и Реджину с Марджи. Друзья с ужасом уставились на мою рассеченную губу и разбитый до крови нос. Моя рубашка (совершенно новая) была порвана, а одежда забрызгана кровью.

– Идем, – сказала мисс Харгенсен. Ее как будто совсем не встревожили ни вид крови, ни синяк у меня на щеке, ни мои распухшие губы. – Все вы.

– Я не хочу возвращаться, – запротестовал я, имея в виду спортзал. – Не хочу, чтобы на меня все смотрели.

– Я тебя понимаю, – сказала она. – Сюда.

Мы вошли в школу через дверь с надписью «СЛУЖЕБНЫЙ ВХОД», которую мисс Харгенсен открыла своим ключом. Она привела нас в учительскую, обставленную, прямо скажем, не слишком роскошно – я видел мебель получше на дворовых распродажах у нас в Харлоу, – но там были стулья, на один из которых я сел. Мисс Харгенсен достала аптечку и отправила Реджину в туалет, чтобы намочить маленькое полотенце холодной водой. Она сказала, что мне надо приложить что-то холодное к носу, который вроде бы не был сло-ман.

Реджина вернулась явно под впечатлением.

– Там стоит крем для рук «Аведа».

– Это мой, – сказала мисс Харгенсен. – Если хочешь, можешь воспользоваться. – Она вручила мне мокрое полотенце. – Приложи к переносице, Крейг, и держи. Ребята, кто вас привез?

– Папа Крейга, – ответила Марджи. Она во все глаза смотрела по сторонам, пристально изучая эту неведомую страну. Теперь, когда стало понятно, что я буду жить, она старалась запомнить все, чтобы потом обсудить увиденное со своими подружками.

– Позвоните ему, – сказала мисс Харгенсен. – Крейг, дай Марджи свой телефон.

Марджи позвонила моему папе и попросила приехать и забрать нас домой. Он что-то сказал. Марджи послушала и нехотя проговорила:

– Ну, тут у нас небольшая проблема. – Она послушала еще пару секунд. – Ну... э...

Билли отобрал у нее телефон.

– Его избили, но с ним все в порядке. – Он выслушал папин ответ и передал телефон мне. – Он хочет поговорить с тобой.

Конечно, папа хотел со мной поговорить. Он спросил, все ли со мной в порядке и кто это сделал. Я сказал, что не знаю, но, кажется, это был старшеклассник, пытавшийся пробраться на бал без приглашения.

– Со мной все в порядке, пап. Давай не будем переживать из-за такой ерунды.

Он сказал, это *не* ерунда. Я сказал, ерунда. Он сказал, нет. Так мы с ним препирались довольно долго, а потом он вздохнул и сказал, что уже выезжает. Я завершил звонок.

Мисс Харгенсен произнесла:

– Я не должна давать детям обезболивающие препараты. Их выдает только школьная медсестра и только с разрешения родителей, но поскольку ее здесь нет... – Она взяла свою сумку, висевшую на вешалке для одежды, открыла и заглянула внутрь. – Вы же меня не выдадите? Если кто-то узнает, я могу потерять работу.

Мои друзья решительно покачали головами. Я тоже пока-

чал головой, но медленно и осторожно. Кенни ударил меня с разворота прямо в левый висок. Надеюсь, что он отбил себе руку.

Мисс Харгенсен достала из сумки пузырек «Алива».

– Из моих личных запасов. Билли, принеси воды.

Билли принес мне воды в бумажном стаканчике. Я проглотил таблетку, и мне сразу же стало легче. Такова сила внушения, особенно если ее применяет красивая молодая женщина.

– Так, вы трое, займитесь делом, – сказала мисс Харгенсен. – Билли, иди в спортзал и скажи мистеру Тейлору, что я вернусь через десять минут. Девочки, вы идите на улицу и ждите папу Крейга. Скажите ему, пусть подъедет к служебному входу.

Они ушли. Мисс Харгенсен наклонилась так близко ко мне, что я почувствовал запах ее духов, совершенно волшебных. Я тут же в нее влюбился. Я понимал, что это глупо и сентиментально, но ничего не мог с собой поделать. Она показала мне два пальца.

– Только, пожалуйста, не говори, что видишь три или четыре.

– Нет, только два.

– Хорошо. – Она резко выпрямилась. – Это был Янко? Да?

– Нет.

– Я похожа на дурочку? Скажи мне правду.

Она была совсем не похожа на дурочку. Она была неверо-

ятно красивой, но я, конечно, не мог ей такого сказать.

– Нет, не похожи. Но это был не Кенни. Что хорошо. Поэтому что, *если бы* это был он, его бы, наверное, арестовали. Его *уже* исключили из школы за хулиганство. Его бы арестовали, затем был бы суд, и мне пришлось бы давать показания и рассказывать, как он меня избил. Все бы об этом узнали. Мне потом было бы стыдно смотреть людям в глаза.

– А если он избьет кого-то еще?

Я подумал о мистере Харригане, а затем, если так можно сказать, включил своего внутреннего мистера Харригана:

– Это уже их проблемы. Для меня главное, что он больше не будет связаться ко мне.

Она попыталась нахмуриться. Но ее губы расплылись в улыбке, и я влюбился еще сильнее.

– Это жестко.

– Я просто хочу жить спокойно, – сказал я. И это была чистая правда.

– Знаешь что, Крейг? Мне кажется, так и будет.

Папа приехал, осмотрел меня со всех сторон и похвалил мисс Харгенсен за ее труды.

– В прошлой жизни я была врачом на ринге, – сказала она. Он рассмеялся. Никто из них не предложил ехать в травмпункт, и я вздохнул с облегчением.

Папа отвез нас домой, всех четверых. Мы пропустили вторую половину танцев, но никто не расстроился по этому по-

воду. Билли, Марджи и Реджина пережили приключение поинтереснее, чем пляски под Бейонсе или Джея-Зи. Что касается лично меня, я с большим удовольствием вспоминал, как мой кулак со всей силы врезался в глаз Кенни Янко. У него будет изрядный фингал. Интересно, как он собирается объяснять его происхождение? *Дык, я врезался в дверь. Дык, я бежал и впился в стену. Дык, я дрожил, и рука сорвалась.*

Когда мы добрались до дома, папа снова спросил, кто это сделал. Я сказал, что не знаю.

– Я почему-то тебе не верю, сынок.

Я промолчал.

– Ты хочешь просто об этом забыть? Я правильно тебя понял?

Я кивнул.

– Хорошо. – Он вздохнул. – Кажется, я понимаю. Я тоже был молодым. В какой-то момент все родители говорят своим детям эти слова, но не все дети верят.

– Я верю, – сказал я.

Я действительно верил, хотя мне было трудно представить собственного отца мелким шпенделем ростом пять футов и пять дюймов в доисторическую эпоху спаренных телефонов.

– Скажи мне только одно. Твоя мама меня бы убила, если бы узнала, что я об этом спросил, но поскольку ее здесь нет... ты хотя бы дал ему сдачи?

– Да. Я ударил всего один раз, зато сильно.

Он улыбнулся.

– Хорошо. Но ты должен понять, что если он нападет на тебя снова, ты заявишь на него в полицию. Тебе ясно?

Я сказал, что да.

– Твоя учительница... кстати, она мне понравилась... Она сказала, чтобы я не давал тебе спать еще как минимум час. Мы должны убедиться, что у тебя нет сотрясения мозга. Будешь пирог?

– Буду.

– А к пирогу – чай?

– Обязательно.

Мы пили чай, ели пирог, и папа рассказывал мне истории о своей юности: не о спаренных телефонах на пять домов, не о школе, куда он ходил – крошечной школе, состоявшей из единственной комнаты, которая отапливалась дровяной печкой, – не о телевизорах, показывавших всего три канала (и не показывавших ничего, если ветер сдувал с крыши антенну). Он рассказал мне, как они с Роем Девиоттом нашли в подвале у Роя петарды и принялись их взрывать. Одна улетела во двор Фрэнка Дрискола и подожгла ящик с дровами, и Фрэнк Дрискол грозился пожаловаться их родителям, и папе с Роем пришлось нарубить ему целую гору дров, чтобы он их не выдал. Он рассказал, как его мама случайно услышала, что он назвал старого Филли Лоуберда из Шилох-Черча Вождем Пердунов, и вымыла ему рот с мылом, несмотря на его обещания никогда больше так не говорить. Он рассказал мне о драках «стенка на стенку» – махачах, как он их называл, –

происходивших почти каждую пятницу на Обернском ролл-дроме между ребятами из Лиссабонской средней школы и школы Эдварда, где учился он сам. Он рассказал, как однажды на пляже большие мальчишки стянули с него плавки («Пришлось идти домой, завернувшись в полотенце») и как какой-то разъяренный парень с бейсбольной битой гнался за ним по Карбин-стрит в Касл-Роке («Он утверждал, что я домогался его сестры, хотя я к ней даже близко не подходил»).

Он *и вправду* когда-то был молодым.

Я поднялся к себе в комнату, чувствуя себя вполне бодро, но действие «Алива», который мне дала мисс Харгенсен, потихоньку заканчивалось, а вместе с ним испарялся и бодрый настрой. Я был уверен, что Кенни Янко со мной распрощался, но не на сто процентов. А вдруг его друзья будут над ним потешаться из-за фингала под глазом? Может быть, даже смеяться? А вдруг он психанет и решит, что нам требуется второй раунд? Если это случится, я вряд ли сумею дать ему сдачи; в этот раз у меня получилось засветить ему в глаз, но тут сыграл фактор неожиданности. В следующий раз Кенни будет начеку. Он избьет меня до полусмерти, если не хуже.

Я умылся (очень осторожно), почистил зубы, лег в постель, выключил свет – и просто лежал, заново переживая случившееся. Потрясение, которое я испытал, когда он схватил меня сзади и потащил по коридору. Как он ударил меня

кулаком в грудь. Как он вмазал мне по губам. Как я уговаривал свои ноги стоять и не гнуться, а они отвечали: *давай не сейчас*.

Теперь, в темноте, мне казалось все более вероятным, что Кенни со мной не закончил. Не просто вероятным, а даже логичным. Когда ты один в темноте, даже самые безумные мысли представляются вполне логичными.

Поэтому я включил свет и позвонил мистеру Харригану.

Я не ожидал услышать его голос на автоответчике, я просто хотел притвориться, что мы с ним беседуем. Я думал, на линии будет полная тишина или включится запись с сообщением, что номера, который я вызываю, больше не существует. Ведь я сам положил телефон во внутренний карман его похоронного пиджака. Это было три месяца назад, а в тех первых айфонах заряд батареи был рассчитан на 250 часов в спящем режиме. Телефон мистера Харригана уже должен был умереть, как умер сам мистер Харриган.

Но в трубке раздались длинные гудки. Их не должно было быть, эти гудки противоречили всем законам реальности, но они были, и под землей на Ильмовом кладбище, в трех милях от моего дома, Тэмми Уайнетт пела «Stand By Your Man».

На пятом гудке включился скрипучий старческий голос. Все как всегда: сразу к делу, коротко и по существу. Без всяких приветствий звонящему и предложений оставить свой номер или сообщение на голосовую почту. «Я сейчас не могу

подойти к телефону. Я вам перезвоню, если сочту нужным».

Раздался звуковой сигнал, и я сам не понял, как заговорил. Не помню, чтобы я как-то подбирал слова; я слышал собственный голос, но он звучал словно сам по себе, независимо от меня.

– Меня сегодня избили, мистер Харриган. Это сделал большой глупый мальчишка по имени Кенни Янко. Он хотел, чтобы я почистил ему ботинки, но я отказался. Я его не выдал, потому что мне не хотелось никаких разбирательств. Мне просто хотелось, чтобы все закончилось. И я думал, что все закончилось. Я пытался думать, как вы, но все равно мне тревожно. Мне хотелось бы с вами поговорить. – Я секунду помедлил. – Я рад, что ваш телефон до сих пор работает, хотя совершенно не представляю, как такое может быть. – Я снова помедлил. – Я по вам очень скучаю. До свидания.

Я завершил разговор. Проверил папку «Недавние вызовы», чтобы убедиться, что я *и вправду* ему позвонил. Его номер был в списке. И номер, и время звонка – 23:02. Я выключил телефон и положил его на прикроватную тумбочку. Потом выключил лампу и почти мгновенно уснул. Это было в ночь с пятницы на субботу. В субботу вечером – или, может быть, рано утром в воскресенье – Кенни Янко умер. Повесился. Хотя я узнал это – и прочие детали – лишь через год.

Некролог Кеннета Джеймса Янко вышел в льюистонской «Сан» только во вторник, и там было написано, что он «вне-

запно скончался в результате трагической случайности», но в школе о его смерти узнали уже в понедельник, и, разумеется, фабрика слухов заработала на полную мощность.

Он нюхал клей и умер от остановки сердца.

Он чистил отцовский дробовик (все знали, что мистер Янко держит дома целый арсенал) и случайно выстрелил себе в голову.

Он играл в русскую рулетку с одним из отцовских револьверов и вышиб себе мозги.

Он был пьян, упал с лестницы и сломал себе шею.

Все эти версии были неправильными.

О смерти Кенни мне сообщил Билли Боган, сразу, как только вошел в школьный микроавтобус. Он буквально лопался от новостей. Сказал, что одна из подруг его мамы позвонила ей утром и все рассказала. Эта подруга жила прямо напротив Янко и видела, как из их дома выносили носилки с телом и как все Янко шли следом и громко рыдали. Похоже, даже у самых отпетых мерзавцев есть кто-то, кому они дороги и кто их любит. Как человек, много читавший Библию, я запросто мог представить, как они рвут на себе одежду.

Я тут же подумал – с чувством вины – о своем звонке на телефон мистера Харригана. Я твердил себе, что он мертв и уж точно не может иметь никакого отношения к смерти Кенни. Я твердил себе, что даже если такое бывает не только в комиксах и фильмах ужасов, я не хотел, чтобы Кенни умер, а просто хотел, чтобы он оставил меня в покое, но даже мне

самому эти доводы представлялись какими-то неубедительными. А еще у меня никак не шли из головы слова миссис Гроган, произнесенные ею на следующий день после похорон, когда я сказал, что мистер Харриган был хорошим человеком, потому что упомянул нас в своем завещании.

Вот насчет этого я не уверена. Он был честным, порядочным, это да, но его лучше было не злить.

Дасти Билодо его разозлил, и Кенни Янко тоже наверняка бы его разозлил. Да, если бы мистер Харриган узнал, что Кенни избил меня только за то, что я отказался чистить его паршивые ботинки, он бы точно разозлился. Вот только мистер Харриган уже *не мог* злиться. Я твердил себе вновь и вновь: мертвые не злятся. Они просто мертвы. Конечно, и телефоны, которые не заряжали три месяца, не принимают звонки, не проигрывают (и не записывают) сообщения... но телефон мистера Харригана все же *принял* мой звонок, и я *слышал* на автоответчике его скрипучий старческий голос. Поэтому я чувствовал себя виноватым, но вместе с тем чувствовал и облегчение. Кенни Янко больше не будет ко мне приставать. Он исчез из моей жизни уже навсегда.

В тот же день, на моем свободном уроке, мисс Харгенсен пришла в спортзал, где я тупо кидал мяч в баскетбольную корзину, и вывела меня в коридор.

– Я заметила, ты грустил на уроке, – сказала она.

– Вовсе нет.

– Ты грустил, и я знаю почему. Но послушай меня. У де-

тей твоего возраста птолемеевская система мира. Я еще молодая, я помню.

– Я не понимаю...

– Птолемей был римским математиком, астрологом и астрономом. Он утверждал, что Земля стоит в центре Вселенной. Неподвижная точка, вокруг которой вращается все мироздание. Дети уверены, что весь мир вращается вокруг *них*. Обычно это ощущение, что ты – единственный центр мироздания, начинает стираться годам к двадцати, но тебе до этого еще далеко.

Она стояла почти вплотную ко мне и говорила очень серьезно, и у нее были невероятно красивые ярко-зеленые глаза. От запаха ее духов у меня слегка кружилась голова.

– Я вижу, ты меня не понимаешь, поэтому я обойдусь без метафоры и скажу прямо. Если ты думаешь, что как-то виноват в смерти Янко, оставь эти мысли. Ты здесь ни при чем. Я видела его личное дело. У этого мальчика были серьезные проблемы. Проблемы в семье, проблемы в школе. Психологические проблемы. Я не знаю, как это произошло, и не хочу знать, но, возможно, оно и к лучшему.

– Почему? – спросил я. – Потому что он больше меня не побьет?

Она рассмеялась, обнажив красивые зубы. В ней все было красивым.

– Вот он, яркий пример птолемеевской системы мира. Нет, Крейг. Хорошо то, что он был слишком молод, чтобы

получить водительские права. Если бы он уже водил машину, то мог бы не просто убиться сам, но и убить кого-то еще. А теперь иди в зал и займись баскетболом.

Я пошел прочь, но она удержала меня, схватив за запястье. Даже теперь, по прошествии одиннадцати лет, я помню свои тогдашние ощущения. Меня как будто пробило током.

— Крейг, я никогда не стала бы радоваться смерти ребенка, даже такого отъявленного хулигана, как Кеннет Янко. Но я рада, что это не ты.

Мне вдруг захотелось ей все рассказать, и я бы, наверное, рассказал. Но тут прозвенел звонок, двери классов распахнулись, школьники разом высыпали в коридор, стало тесно и шумно. Мы с мисс Харгенсен разошлись в разные стороны.

Вечером, уже лежа в постели, я включил свой телефон и сначала просто смотрел на него, собираясь с духом. Мисс Харгенсен говорила разумные вещи, но мисс Харгенсен не знала, что телефон мистера Харригана до сих пор держит заряд и работает, что было попросту невозможно. Я не успел ей рассказать и был уверен — ошибочно, как оказалось, — что уже никогда не расскажу.

На этот раз он не будет работать, говорил я себе. В прошлый раз он работал на остатках заряда. Как бывает с перегорающей лампочкой: перед тем как погаснуть, она ярко вспыхивает.

Я открыл список контактов и ткнул пальцем в номер мистера Харригана, ожидая – почти надеясь, – что в трубке будет тишина или включится запись с сообщением, что данного номера больше не существует. Но в трубке раздались обычные гудки, а потом – голос мистера Харригана: «Я сейчас не могу подойти к телефону. Я вам перезвоню, если сочту нужным».

– Это Крейг, мистер Харриган.

Я чувствовал себя глупо, разговаривая с мертвецом – на щеках у которого уже должна была вырасти плесень (да, я провел небольшое исследование). И в то же время я вовсе не чувствовал себя глупо. Мне было страшно, как бывает страшно человеку, ступающему на неосвященную землю.

– Послушайте... – Я облизнул губы. – Вы же никак не связаны со смертью Кенни Янко, правда? А если связаны, то... э... стукните в стену.

Я завершил звонок.

Я ждал стука в стену.

Все было тихо.

Утром я прочитал сообщение от **pirateking1**. Всего шесть букв: **а а а К К у**.

Совершенно бессмысленное сообщение.

Я перепугался до жути.

В ту осень я много думал о Кенни Янко (теперь по школе ходили слухи, что он упал со второго этажа, когда пы-

тался посреди ночи ускользнуть из дома). Еще больше я думал о мистере Харригане и о его телефоне – и очень жалел, что не выкинул телефон в озеро Касл. Да, в этом было какое-то очарование. Мы все так или иначе зачарованы странным и необъяснимым. Запретным. Несколько раз я чуть было не позвонил мистеру Харригану, но все-таки не позвонил, по крайней мере тогда. Когда-то меня ободрял его голос, голос опыта и успеха, можно сказать, голос дедушки, которого у меня никогда не было. Сейчас я уже не мог вспомнить, как звучал этот голос в залитой солнечным светом гостиной, когда мистер Харриган рассказывал мне о Чарлзе Диккенсе, или Фрэнке Норрисе, или Дэвиде Герберте Лоуренсе, когда говорил, что Интернет похож на сломанный водопровод. Сейчас мне вспоминался только скрежещущий старческий голос – чем-то похожий на почти полностью стершуюся наждачную бумагу, – сообщавший, что мистер Харриган мне перезвонит, если сочтет нужным. Я думал о том, как он лежит у себя в гробу. Люди, готовившие к погребению его тело, наверняка склеили ему веки, но как долго продержится клей? Может быть, там, под землей, его глаза сейчас открыты? И незряче глядят в темноту, разлагаясь в глазницах?

Эти мысли буквально меня изводили.

За неделю до Рождества преподобный Муни позвал меня в ризницу, чтобы «поговорить с глазу на глаз». Говорил в основном он. Мой отец обо мне беспокоится, сказал он. Я похудел, стал хуже учиться. Может быть, меня что-то тре-

вожит? Может быть, я хочу что-то ему рассказать? Я хорошенько подумал и решил, что, наверное, хочу. Не все, конечно. Но кое-что.

– Если я вам кое-что расскажу, это останется между нами?

– Если это не связано с самовредительством или преступлением – *серьезным* преступлением, – то ответ будет «да». Мы не католики, у нас нет тайны исповеди, но всякий священник умеет хранить секреты.

И я рассказал ему, как подрался с мальчишкой из школы, большим мальчишкой по имени Кенни Янко, и он меня сильно избил. Я сказал, что никогда не желал Кенни смерти и уж точно *не молился*, чтобы он умер, но он все-таки умер, сразу после нашей драки, и его смерть никак не идет у меня из головы. Я пересказал ему слова мисс Харгенсен о том, что дети уверены, будто весь мир вращается вокруг них, и что это не так. Я сказал, что слова мисс Харгенсен немного меня успокоили, но мне все равно кажется, что я виноват в смерти Кенни.

Преподобный Муни улыбнулся.

– Твоя учительница права, Крейг. До восьми лет я старался не наступать на трещины на асфальте, потому что искренне верил, что иначе моя мама умрет.

– Правда?

– Чистая правда. – Он наклонился ко мне. Его улыбка погасла. – Я сохраню твой секрет, если тыохранишь мой. Договорились?

– Ага.

– Я дружу с отцом Ингерсоллом из церкви Святой Анны в Гейтс-Фоллзе. Это та самая церковь, куда ходят Янко. Он мне сказал, что парнишка Янко покончил с собой.

Наверное, я ахнул от изумления. В школе ходили слухи о самоубийстве, но я в них не верил. Я никогда не поверил бы, что у такого отпетого сукина сына, как Кенни Янко, могли появиться мысли о самоубийстве.

Преподобный Муни по-прежнему смотрел на меня, наклонившись вперед. Он взял мою руку в свои ладони.

– Крейг, ты действительно веришь, что этот мальчишка пришел домой и подумал: «О Боже, я избил мальчика, который младше и слабее меня. Как мне теперь с этим жить?! Я, пожалуй, покончу с собой!»

– Наверное, нет, – сказал я и выдохнул, словно ходил затаив дыхание все последние два месяца. – Если так сформулировать... Что он сделал?

– Я не спросил, и даже если бы Пэт Ингерсолл мне рассказал, я все равно бы тебе не сказал. Не забивай себе голову, Крейг. Отпусти и забудь. У этого мальчика были проблемы. Его потребность кого-то избить – лишь один из симптомов этих проблем. Ты здесь вообще ни при чем.

– А если я чувствую облегчение? Ну... что мне больше не нужно переживать, что он избьет меня снова?

– Я бы сказал, что подобные ощущения свойственны каждому человеку.

– Спасибо.

– Теперь тебе легче?

– Да.

Мне действительно стало легче.

Незадолго до окончания учебного года, на уроке географии, мисс Харгенсен объявила с широкой улыбкой:

– Вы, ребята, наверное, думали, что избавитесь от меня уже через две недели, но я сейчас вас огорчу. Мистер де Лессепс, учитель биологии в старших классах, выходит на пенсию, и меня пригласили на его место. Можно сказать, я вместе с вами перехожу в старшую школу из средней.

Кто-то из ребят театрально застонал, но большинство зааплодировали, и я аплодировал громче всех. Мне не придется прощаться с моей любовью. Моему юному разуму это казалось судьбой. В каком-то смысле так оно и было.

В девятом классе я перешел в старшую школу Гейтс-Фоллза, где познакомился с Майком Юберротом, уже тогда носившим прозвище Ю-Бот³ (оно осталось с ним и теперь, когда он стал запасным кетчером в «Балтимор ориолс»).

Спортсмены в Гейтс-Фоллзской школе почти не общались с обычными учениками (думается, то же самое происходит почти в любой школе, потому что спортсмены, как правило, тяготеют к клановости), и если бы не постановка «Мышьяка

³ U-Boat – немецкая подводная лодка (англ.).

и старых кружев», мы бы вряд ли смогли подружиться. Ю-Бот учился в одиннадцатом, я – только в девятом, что делало нашу дружбу еще менее вероятной. Но мы подружились и дружим до сих пор, хотя в последнее время видимся нечасто.

Во многих школах есть театральные студии, которые ставят спектакли с участием учеников выпускного класса, но в нашей школе все было иначе. Спектакли ставили два раза в год, и хотя в них обычно играли ребята из драмкружка, получить роль мог любой ученик, прошедший пробы. Я знал эту пьесу по телефильму, который однажды посмотрел от скуки дождливым субботним вечером. Фильм мне понравился, поэтому я пошел на пробы. Тогдашняя девушка Майка, участница школьного драмкружка, затащила его на пробы, и ему дали роль маньяка-убийцы Джонатана Брюстера. Меня взяли на роль его суетливого сообщника, доктора Эйнштейна. В фильме его играл Петер Лорре, и я старательно копировал его манеру, непрестанно ухмыляясь и вставляя: «Ja! Ja!⁴» – перед каждой репликой. Это было, скажем прямо, посредственное подражание, но публика приняла все на ура. Маленький городок, сами понимаете.

Сейчас я расскажу, как мы с Ю-Ботом стали друзьями и как я узнал, что произошло с Кенни Янко на самом деле. Как оказалось, преподобный Муни был не прав, а в некрологе в газете написали все правильно. Это и вправду была трагическая случайность.

⁴ Да! Да! (нем.)

В антракте между первым и вторым актом на генеральной репетиции я пошел к автомату с напитками, который нагло сожрал мои семьдесят пять центов, но зажал банку с кока-колой. Ю-Бот, стоявший со своей девушкой в другом конце коридора, подошел к автомату и со всей силы ударил ладонью по правому верхнему углу автомата. Банка с колой послушно вывалилась в поддон.

– Спасибо, – сказал я.

– Да не за что. Просто запомни, куда надо стукнуть.

Я сказал, что запомню, хотя у меня вряд ли получится стукнуть так сильно.

– Слушай, мне говорили, у тебя были какие-то терки с Янко. Это правда?

Мне не было смысла это отрицать – Билли с девчонками все разболтали, – да и времени после той нашей драки прошло немало. Поэтому я сказал: да, было такое.

– Хочешь узнать, как он умер?

– Я слышал уже сотню версий. Ты скажешь что-то новое?

– Я скажу тебе правду, мой юный друг. Ты же знаешь, кто мой отец?

– Да, конечно.

В составе полицейского подразделения Гейтс-Фоллза числилось меньше двух дюжин патрульных, плюс начальник полиции, плюс один детектив. Это был Джордж Юберрот, отец Майка.

– Я расскажу о Янко, если ты угостишь меня колой.

– Хорошо. Только не плюй в нее.

– Я похож на животное? Дай человеку попить, ты, угод.

– Ja, ja, – сказал я, изображая Петера Лорре. Он хмыкнул, отобрал у меня банку, выпил половину одним глотком и смачно рыгнул. Его девушка в дальнем конце коридора сунула два пальца в рот и сделала вид, что ее вырвало. Любовь в старших классах – очень сложная штука.

– Мой отец занимался расследованием его смерти, – сказал Ю-Бот, возвращая мне банку. – И я случайно подслушал его разговор с сержантом Полком. Это у них называется «выездной полицейский участок». Они сидели у нас на крыльце, пили пиво, и сержант что-то такое сказал насчет Янко, будто тот неудачно исполнил недых-чих-пых. Отец рассмеялся и ответил, что это еще называется беверли-хиллзским галстуком. Сержант сказал, что, наверное, у бедняги просто не было других вариантов, с такой запрыщавленной рожей. Отец сказал: да, печально, но факт. А потом добавил, что его тревожат волосы. Сказал, окружной коронер тоже в недоумении.

– А что было с его волосами? – спросил я. – И что такое беверли-хиллзский галстук?

– Я посмотрел в Интернете. Это сленговое название ауто-асфиксифилии. – Он произнес это слово, тщательно выговаривая каждый слог. Чуть ли не с гордостью. – Вешаешься и дрочишь, пока теряешь сознание от удушья. – Он увидел мое лицо и пожал плечами. – Я ничего не придумываю, доктор

Эйнштейн, просто излагаю факты. Вроде как предполагается, что так можно словить суперострые ощущения, но лично мне что-то не хочется пробовать.

Я подумал, что и мне тоже.

– Так что там с его волосами?

– Я спросил у отца. Он не хотел говорить, но раз уж я слышал все остальное, все-таки раскололся. Сказал, что Янко был весь седой.

Я много об этом думал. С одной стороны, если я допускал, что мистер Харриган мог восстать из могилы, чтобы за меня отомстить (а иногда по ночам, когда я долго не мог заснуть, подобные мысли, хоть и совершенно дурацкие, все-таки приходили мне в голову), то история, рассказанная Ю-Ботом, должна была разогнать эти мысли. Я представлял себе Кенни Янко: в шкафу, со спущенными до лодыжек штанами, с петлей на шее; представлял, как багровеет его лицо, пока он натужно дрожит, и мне было даже слегка его жалко. Какая глупая и бесславная смерть. «В результате трагической случайности» – так было написано в некрологе в газете, и эта фраза была ближе к правде, чем все наши безумные домыслы.

С другой стороны, мне никак не давали покоя слова отца Ю-Бота о седых волосах Кенни. Ведь почему-то же он поседел! Что-то же было причиной! Что он такого увидел в этом шкафу, уже теряя сознание от удушья, отчаянно дрожа?

В конце концов я обратился к своему лучшему советчику, к Интернету. Мнения были самые разные. Некоторые ученые утверждали: нет никаких доказательств, что потрясение или испуг могут вызвать мгновенное поседение волос. Другие ученые говорили: *ја, ја*, такое действительно может случиться. Сильный стресс иногда убивает меланоциты, пигментные клетки, придающие цвет волосам. В одной из прочитанных мной статей было написано, что именно это произошло с Томасом Мором и Марией-Антуанеттой в ночь перед казнью. В другой статье говорилось, что такого не может быть. Это просто легенда. В итоге я понял, что здесь применим тот же принцип покупки акций, о котором рассказывал мистер Харриган: покупать или нет, каждый решает сам.

Мало-помалу эти тревожные размышления развеялись, но я бы слукавил, если бы стал утверждать, что напрочь выбросил из головы Кенни Янко, и тогда, и сейчас. Кенни Янко в шкафу, с веревкой на шее. Может быть, он не потерял сознание прежде, чем успел ослабить веревку. Может быть, он уже собирался ее ослабить, но вдруг что-то увидел – я говорю, *может быть*, – что-то, настолько его напугавшее, что он от страха лишился чувств. Испугался до смерти, в прямом смысле слова. При свете дня эти мысли кажутся глупыми и смешными. Но по ночам, в темноте, и особенно в непогоду, когда за окном завывает ветер, почему-то становится не смешно.

Перед домом мистера Харригана поставили знак «ПРОДАЕТСЯ» какой-то портлендской риелторской компании, и несколько человек приезжали его смотреть. В основном это были люди из Бостона или Нью-Йорка (и наверняка кто-то из них прилетал частным авиарейсом), явно преуспевающие бизнесмены вроде тех, что присутствовали на похоронах мистера Харригана и что берут в прокате дорогие машины. Среди них были два гея, первая из встреченных мной женатая гомосексуальная пара, оба совсем молодые, но явно богатые и столь же явно влюбленные друг в друга без памяти. Они приехали в навороченном «БМВ-і8», постоянно держались за руки, охали, ахали и буквально пищали от восторга, осматривая дом и участок. Потом отбыли восвояси и больше не возвращались.

Я повидал немало потенциальных покупателей, потому что имение (под управлением мистера Рафферти, конечно) сохранило рабочие места для миссис Гроган и Пита Боствика, и Пит нанял меня помогать ему в саду. Он знал, что я умею обращаться с растениями и не чужаюсь тяжелой работы. Я получал двенадцать долларов в час, работая десять часов в неделю, и эти деньги очень мнегодились, поскольку до поступления в университет богатства на доверительном счете были недоступны.

Пит называл этих потенциальных покупателей «богатенькими Ричи». Как те женатые геи в их навороченном «БМВ», они охали, ахали и восторгались, но не покупали. Если

учесть, что дом стоял на грунтовой дороге в дремучей глуши и вид из окон был хоть и красивым, но не роскошным (ни гор, ни озер, ни живописного морского берега с маяком на скале), я совершенно не удивлялся. Миссис Гроган и Пит тоже не удивлялись. Между собой они называли дом особняком «Как рыбе зонтик».

В начале зимы 2011-го я потратил часть «садоводческих» денег на покупку четвертого айфона, на смену моему старенькому аппарату первого поколения. В тот же вечер я перенес в новый айфон все контакты и, прокручивая список, наткнулся на номер мистера Харригана. Не особо задумываясь, я ткнул в него пальцем. На экране зажглась надпись: **Идет вызов абонента: мистер Харриган**. Со смесью страха и любопытства я поднес телефон к уху.

Я не услышал знакомого голоса на автоответчике. Не услышал и голоса робота, сообщавшего, что вызываемый номер не существует. Не услышал гудков. В трубке была тишина. Можно сказать, что мой новый айфон, хе-хе, был тих, как могила.

Какое облегчение.

В десятом классе я выбрал биологию, которую вела мисс Харгенсен, по-прежнему красивая, но уже не любовь всей моей жизни. Я отдал свое сердце более досягаемой (и подходящей по возрасту) юной леди. Это была Венди Джерард, ми-

ниатюрная блондинка из Моттона, которая только что сняла брекететы. Мы сидели за одной партой на общих уроках, и ходили в кино (когда мой папа либо кто-то из ее родителей мог отвезти нас на машине), и целовались на последнем ряду. Все было очень наивно, и очень по-детски, и очень здорово.

Моя влюбленность в мисс Харгенсен умерла естественной смертью, и это было прекрасно, потому что открыло дорогу для дружбы. Иногда я приносил в класс растения, а после уроков по пятницам помогал мисс Харгенсен убираться в лаборатории, которую мы, «биологи», делили с «химиками».

Однажды во время уборки я спросил у мисс Харгенсен, верит ли она в призраков.

– Наверное, нет, раз вы ученый, – предположил я.

Она рассмеялась.

– Я не ученый, а простая учительница.

– Но вы поняли, что я имею в виду.

– Да, наверное. Но я все равно добрая католичка. Это значит, что я верю в Бога, в ангелов и в мир духов. Я не очень уверена насчет одержимости бесами и их изгнания, это как-то совсем запредельно, а что касается призраков... Скажем так: присяжные не определились с решением. Но я никогда не ходила на спиритические сеансы и никогда не возилась с уиджей⁵.

– Почему нет?

⁵ Уиджа, или «говорящая доска», – доска для общения с душами умерших на спиритических сеансах.

Мы чистили раковины. Предполагалось, что их должны чистить ученики, которые ходят на химию, но обычно им было не до того. Мисс Харгенсен отложила губку и улыбнулась. Как мне показалось, немного смущенно.

– Даже ученые не чужды суеверий, Крейг. Я считаю, что лучше не трогать то, чего не понимаешь. Моя бабушка говорила, что не стоит звать, если не хочешь, чтобы тебе ответили. Мне кажется, это хороший совет. А почему ты спросил?

Я не собирался ей говорить, что по-прежнему думаю о Кенни Янко.

– Я методист, и недавно наш пастор рассказывал о Святом Духе. А духи и призраки – это вроде как одно и то же. Вот о чем я подумал.

– Может быть, – сказала она. – Но если духи и существуют, они уж точно не все святые.

Я не оставил свою мечту стать писателем, хотя мне уже не хотелось становиться киносценаристом. Тот анекдот о старлетке и сценаристе, который я узнал с подачи мистера Харригана, крепко засел у меня в голове и изрядно подпортил мои юношеские фантазии о шоу-бизнесе.

В том году папа подарил мне на Рождество ноутбук, и я начал сочинять рассказы. Отдельные фразы вроде бы получались неплохо, но фразы в рассказе должны сложиться в единое целое, а мои как-то не складывались. На следующий год наш учитель английского предложил мне редактировать

школьную газету, и я «заболел» журналистикой. Болею ею до сих пор и вряд ли когда-нибудь излечусь. Я глубоко убежден, что когда ты находишь свое место в жизни, что-то щелкает у тебя в голове – даже не в голове, а в душе, – и ты понимаешь, что это оно. Можно, конечно, проигнорировать этот сигнал, но зачем?

Я начал быстро расти, и в одиннадцатом классе, когда я уверил Венди, что да, я позаботился о защите (на самом деле презервативы мне купил Ю-Бот), мы с ней расстались с девственностью. Школу я окончил неплохо, по оценкам был третьим в классе (всего 142 балла, но все равно хорошо), и папа купил мне «тойоту-короллу» (пусть и подержанную, но все же). Меня приняли в Эмерсон-колледж, один из лучших в стране частных университетов с очень сильной кафедрой журналистики, и мне бы наверняка дали хотя бы частичную стипендию, если бы я в ней нуждался. Но я не нуждался благодаря мистеру Харригану. Мне повезло.

С четырнадцати до восемнадцати лет у меня случались типичные подростковые гормональные взрывы, но их было не так уж много – кошмар с Кенни Янко как будто заранее сгладил грядущие экзистенциальные тревоги моего переходного возраста. К тому же я любил папу, и, кроме него, у меня больше никого не было. Мне кажется, это имеет значение.

К тому времени, как я поступил в колледж, я почти перестал вспоминать Кенни Янко. Но по-прежнему много думал о мистере Харригане. Неудивительно, если учесть, что

именно он открыл мне дорогу к высшему образованию. Но были определенные дни, когда я думал о нем еще чаще. Если в какой-то из этих дней я был дома, я всегда приносил цветы на его могилу. Если меня не было в Харлоу, Пит Боствик или миссис Гроган приносили цветы от моего имени.

В День святого Валентина. В День благодарения. На Рождество. И на мой день рождения.

В каждый из этих дней я всегда покупал по билету моментальной долларовой лотереи. Иногда я выигрывал пару баксов, иногда – пять, один раз выиграл пятьдесят, но ни разу не взял главный приз. Впрочем, я не печалился. Если бы я выиграл много денег, то отдал бы их на благотворительность. Я покупал эти билеты в знак памяти. Благодаря мистеру Харригану я уже был богат.

Когда я поступил в Эмерсон, мистер Рафферти выдал мне щедрую сумму с моего доверительного счета, и уже на первом курсе я смог купить собственную квартиру. Всего две комнаты с ванной, зато она располагалась в Бэк-Бэе⁶, где даже крошечные квартирки стоят недешево. К тому времени я устроился на работу в литературный журнал. «Плауш-эрз» считается одним из лучших литературных журналов в стране, там работают матерые редакторы, но кто-то должен читать горы рукописей, приходящих в издательство, и этим «кем-то» был я. Мне нравилась эта работа, хотя качество

⁶ Дорогой и престижный район в Бостоне.

большинства произведений, которые мне приходилось читать, оставалось на уровне достопамятного ужасного стихотворения под названием «10 причин, по которым я ненавижу свою мать». Меня очень бодрило, что подавляющее большинство начинающих авторов пишут еще хуже, чем я. Может быть, это звучит некрасиво. Может быть, так и есть.

Однажды вечером я как раз сел читать рукописи, с тарелкой «Орео» у левой руки и чашкой чая у правой, и тут зазвонил телефон. Это был папа. Он сказал, что у него плохие новости: умерла мисс Харгенсен.

Я на секунду утратил дар речи. Стопка глупых стихов и рассказов у меня на столе вдруг показалась мне чем-то не имеющим никакого значения.

– Крейг? – спросил папа. – Ты меня слышишь?

– Да. Что случилось?

Он рассказал все, что знал, а через пару дней, когда в Интернете опубликовали очередной номер еженедельной газеты «Гейтс-Фоллз энтерпрайз», я узнал дополнительные подробности. Заголовок гласил: «ВСЕМИ ЛЮБИМЫЕ УЧИТЕЛЯ ТРАГИЧЕСКИ ПОГИБЛИ В ВЕРМОНТЕ». Виктория Харгенсен-Корлис по-прежнему работала учительницей биологии в Гейтс-Фоллзе; ее муж преподавал математику в соседнем Касл-Роке. На весенних каникулах они решили проехаться на мотоцикле по Новой Англии, каждую ночь останавливаясь в новом мотеле. На обратном пути, в Вермонте, почти на границе с Нью-Хэмпширом, на шоссе номер

2 они попали в аварию, произошедшую по вине некоего Дина Уитмора (тридцати одного года от роду, проживающего в Уолтеме, штат Массачусетс), который выехал на встречную полосу и врезался в их мотоцикл. При лобовом столкновении Тэд Корлис, управлявший мотоциклом, погиб на месте. Виктория Корлис – женщина, что отвела меня в учительскую после того, как меня избил Кенни Янко, и дала мне запрещенный «Алив» из своих личных запасов, – скончалась по дороге в больницу.

Прошлым летом я стажировался в «Энтерпрайз». В основном выносил мусор, но также писал небольшие обзоры на тему спорта и кино. Я позвонил тамошнему главреду, Дэйву Гарденеру, и он рассказал мне подробности, которых не было в печати. Ранее Дина Уитмора уже четырежды арестовывали за вождение в нетрезвом виде, но его отец был большой шишкой в каком-то крупном хедж-фонде (как же люто мистер Харриган ненавидел этих наглых выскочек) и нанимал дорогих адвокатов, которые сумели «отмазать» Уитмора в первые три раза. В четвертый раз, когда он врезался в здание супермаркета в Хингеме, он избежал тюрьмы, но его лишили водительских прав. В тот день, когда Уитмор протаранил мотоцикл Корлисов, он ехал без прав и был очень-очень нетрезвым. «Пьяным в дугу», – как сказал Дэйв.

– Его снова отпустят, – заметил он. – Погрозят пальчиком и отпустят. Папенька проследит. Вот увидишь.

– Не может быть. – От одной только мысли, что этот урод

может отделаться легким испугом, мне стало дурно. – Если ваша информация верна, тут явный случай нарушения правил дорожного движения, повлекшего смерть потерпевшего. – Вот увидишь, – повторил он.

Похоронная служба проходила в церкви Святой Анны, которую мисс Харгенсен – я не мог даже мысленно называть ее просто Викторией – и ее муж посещали с самого раннего детства и в которой они обвенчались. Мистер Харриган был богат и долгие годы оставался одним из столпов мира американской коммерции, но на отпевание Тэда и Виктории Корлисов собралось намного больше народу. Церковь Святой Анны довольно большая, однако в день похорон там было не протолкнуться, люди стояли во всех проходах, и если бы отец Ингерсолл не взял микрофон, его было бы просто не слышно из-за плача и всхлипов. Они были хорошими учителями, их любили ученики, они любили друг друга, и, конечно, они были совсем молодыми.

Как и большинство скорбящих. Там был я; там были Реджина и Марджи; и Билли Боган, и Ю-Бот, который специально прилетел из Флориды, где играл в низшей бейсбольной лиге. Мы с Ю-Ботом сидели вместе. Он не плакал, но у него были красные глаза, и он шмыгал носом.

– Ты ходил на ее уроки? – шепотом спросил я.

– В выпускном классе, – тоже шепотом ответил он. – Для аттестата нужна была биология. Она мне поставила тройку,

просто в подарок. И я ходил на ее кружок наблюдения за птицами. Она написала мне рекомендацию для универа.

Мне она тоже написала рекомендацию.

– Это так неправильно, – сказал Ю-Бот. – Они просто ехали, никому не мешали. – Он помолчал и добавил: – И они были в шлемах.

Билли практически не изменился, но Марджи с Реджиной казались старше, взрослее. Наверное, из-за макияжа и взрослых нарядов. После службы, когда мы все вышли из церкви, они обе обняли меня, и Реджина спросила:

– Помнишь, как она о тебе позаботилась, когда тебя избивали?

– Да, – сказал я.

– Она мне разрешила намазать руки ее кремом, – сказала Реджина и снова расплакалась.

– Надеюсь, его посадят пожизненно, – с жаром проговорила Марджи.

– Так точно, – согласился Ю-Бот. – Запрут на замок, а ключ выкинут в реку.

– Непременно посадят, – сказал я.

Но, конечно, я был не прав. Прав был Дэйв.

Суд над Дином Уитмором состоялся в июле. Его приговорили к четырем годам тюремного заключения, которые можно отбыть условно, если он согласится пройти курс лечения от алкоголизма в реабилитационном центре и сдавать мочу

на анализ по первому требованию в течение тех же четырех лет. Тем летом я снова работал в «Энтерпрайз», уже как штатный сотрудник (на полставки, но все же). Мне теперь доверяли освещение городских новостей и даже периодически поручали написать небольшой очерк о жизни города. На следующий день после обвинительного приговора Уитмору – если это можно назвать приговором – я высказал свое возмущение Дэйву Гарденеру.

– Да, это очень паршиво, – сказал он. – Но тебе, Крейги, пора повзрослеть. Мы живем в мире, где деньги диктуют, а люди внимательно слушают. В деле Уитмора явно где-то сыграли деньги. Уж будь уверен. Кстати, где твой обзор Яр-марки мастеров на четыреста слов?

* * *

Реабилитационного центра – скорее всего с собственным теннисным кортом и полем для гольфа – было никак не достаточно. Четырех лет сдачи анализов было никак не достаточно, особенно если ты знал заранее, когда именно надо сдавать мочу, и мог заплатить человеку, который обеспечит тебе чистые образцы. Уитмор наверняка мог.

Лето уже подходило к концу, а мне все чаще вспоминалась одна африканская поговорка, которую я где-то прочел еще в школе: *Когда умирает старик, сгорает целая библиотека*. Виктория с Тэдом погибли совсем молодыми, но так было

еще хуже, потому что они столько всего не успели, не осуществили и не достигли. У них впереди была целая жизнь, а потом все закончилось. Все эти ребята на похоронах: и нынешние ученики, и недавние выпускники, как я сам и мои друзья, — само их присутствие говорило о том, что *что-то* сгорело, уже навсегда.

Я вспоминал, как она рисовала на школьной доске листья и ветки деревьев. Это были красивые рисунки, сделанные от руки. Я вспоминал, как по пятницам после уроков мы убирались в биологической лаборатории, а заодно вычищали и химическую половину, и смеялись насчет тамошних запахов, и она в шутку высказывала опасение, как бы какой-нибудь доктор Джекилл из «химиков» не превратился в мистера Хайда и не разнес всю школу. Я вспоминал, как она мне сказала: «Я тебя понимаю», — когда я заявил, что не хочу возвращаться в спортзал, после того, как меня избил Кенни Янко. Я вспоминал все это, вспоминал запах ее духов и думал об этом ушлепке, который ее убил: как он выйдет из клиники и займется своими делами, весь такой радостный, словно солнечное воскресенье в Париже.

Нет, этого было никак не достаточно.

Вернувшись домой, я принялся обыскивать ящики письменного стола в моей комнате, не желая признаться себе, что ищу... и зачем. Я не нашел, что искал. Даже не знаю, чего было больше: разочарования или облегчения. Я уже собрался выйти из комнаты, но развернулся буквально в две-

рях, подошел к шкафу и, поднявшись на цыпочки, дотянулся до верхней полки, где годами копился ненужный хлам. Я нашел старый будильник, и айпод, который разбил, катаясь на скейтборде, и клубок спутанных наушников. Там стояла коробка с бейсбольными карточками и стопка комиксов о Человеке-пауке. В самом дальнем углу лежала толстовка с эмблемой «Ред сокс», из которой я давно вырос. Я приподнял толстовку, и под ней оказался старый айфон, подаренный мне папой на Рождество. Давным-давно, в незапамятные времена, когда я был мелким шпенделем. Рядом лежала зарядка. Я поставил айфон заряжаться, по-прежнему не желая признаться себе, что именно задумал. Но теперь, вспоминая тот день – с тех пор прошло не так много лет, – я уверен, что тогда мною двигало воспоминание о словах, сказанных мисс Харгенсен во время одной из наших пятничных уборок: *Не стоит звать, если не хочешь, чтобы тебе ответили.* В тот день я хотел получить ответ.

Может, он и не зарядится, говорил я себе. *Он годами пылился в шкафу.* Но он зарядился. Вечером, когда папа лег спать, я взял телефон, и иконка заряда батареи в верхнем правом углу экрана показывала сто процентов.

Это была настоящая прогулка в прошлое. Вечер воспоминаний. Я нашел электронные письма из давних времен, фотографии папы, когда тот еще не начал сидеть, мою переписку по мессенджеру с Билли Боганом. Ничего важного: просто шуточки, и просветительская информация вроде **Я сей-**

час перднул, и насущные вопросы типа **Сделал домашку по алгебре?** С тем же успехом мы могли бы переговариваться через консервные банки, соединенные вощенной ниткой. Собственно, если подумать, практически вся современная коммуникация сводится к такой болтовне ради болтовни.

Я лег в постель с телефоном, как в те времена, когда у меня еще не было необходимости бриться, а поцелуи с Реджиной представлялись великим событием. Только теперь моя старая кровать, когда-то казавшаяся огромной, сделалась мне маловата. Я посмотрел на плакат с Кэти Перри, который повесил на стену в девятом классе, когда Кэти была для меня воплощением сексапильности. Я изменился, стал старше, но в то же время остался таким же, как был. Как все забавно выходит.

Если духи и существуют, однажды сказала мисс Харгенсен, они уж точно не все святые.

Вспомнив об этом, я чуть было не передумал. Но потом я представил, как этот урод Дин Уитмор играет в теннис в своей дорогой частной клинике, и все сомнения разом отпали. Я открыл список контактов и вызвал номер мистера Харригана. *Все нормально*, твердил я себе. *Ничего не произойдет. Ничего и не может произойти. Это просто такой способ справиться с гневом и скорбью, очистить голову и жить дальше.*

И все-таки в глубине души я точно знал: *что-то произой-*

дет. Поэтому я ни капельки не удивился, когда в трубке раздались гудки. И когда включился автоответчик – в телефоне, который я собственноручно положил в карман мертвеца почти семь лет назад, – и скрипучий старческий голос произнес мне в ухо: «Я сейчас не могу подойти к телефону. Я вам перезвоню, если сочту нужным».

– Здравствуйте, мистер Харриган, это Крейг. – Мой голос был на удивление тверд, если учесть, что я говорил с трупом и труп, возможно, действительно меня слушал. – Есть один человек, Дин Уитмор. Он убил мою любимую учительницу из старших классов и ее мужа. Этот Уитмор был пьян и врезался в них на машине. Они были очень хорошие. Она мне помогла, когда я нуждался в помощи. А этот урод избежал наказания. Наверное, это все.

Хотя нет, не все. На запись входящего сообщения отводилось как минимум полминуты, и я еще не использовал все свое время. Поэтому я сказал самое главное, сказал всю правду, понизив голос до хриплого шепота:

– Я хочу, чтобы он умер.

Сейчас я работаю в «Таймс юнион», городской газете Олбани и окрестностей. Платят там сущие гроши, я наверняка получал бы гораздо больше, если бы сотрудничал с «BuzzFeed» или «TMZ»⁷, но у меня есть резерв в виде средств на доверительном счете, и мне нравится работать в

⁷ Новостные интернет-издания.

настоящей бумажной газете, хотя почти вся движуха сейчас происходит онлайн. Называйте меня старомодным.

Я подружился с Фрэнком Джефферсоном, нашим айтишником, и как-то вечером, за кружкой пива в баре «У Мэдисона», рассказал ему, что у меня получалось подключаться к голосовой почте в телефоне давно умершего человека... но только если я звонил ему со своего старого айфона, которым пользовался тогда, когда тот человек был еще жив. Я спросил, слышал ли Фрэнк что-то подобное.

– Нет, – сказал он, – но такое бывает.

– Как?

– Без понятия. Но в первых компьютерах и сотовых телефонах были какие-то странные глюки. О некоторых из них ходят легенды.

– В айфонах тоже?

– Особенно в них, – сказал он, отхлебнув пива. – Потому что они были слишком поспешно запущены в производство. Стив Джобс никогда бы в этом не признался, но народ в «Эппле» до смерти боялся, что уже через пару лет, а то и через год, «Блэкберри» захватит весь рынок. Эти первые айфоны... Некоторые намертво зависали, когда ты вбивал букву «л». Можно было отправить письмо по электронной почте, а потом спокойно открыть браузер, но если сначала открыть браузер, а *потом* электронную почту, телефон иногда отрубался.

– У меня пару раз такое было, – сказал я. – Приходилось

перезагружаться.

– Ага. Было много всего непонятного. А что касается твоего случая... Наверное, запись с голосом этого человека застряла где-то на сервере, как в зубах иногда застревает какой-нибудь хрящик. Такой голос-призрак. Называй его духом в машине.

– Да, но не святым духом.

– Что?

– Ничего, – сказал я.

Дин Уитмор умер на второй день пребывания в лечебном центре «Рэйвен-маунтин», роскошной клинике для богатеньких алкоголиков и наркоманов в северной части Нью-Хэмпшира (там действительно были теннисные корты, а также бассейн и поле для шаффлборда). Я узнал об этом почти сразу, потому что настроил гугл-оповещение на его имя: и на своем личном ноутбуке, и на редакционном компьютере. Причина смерти нигде не указывалась – деньги, как нам известно, диктуют, – поэтому я собрался и поехал в Мейдстон в Нью-Хэмпшире, где воспользовался своими репортерскими навыками, задал несколько вопросов и потратил некоторое количество денег мистера Харригана.

Это не заняло много времени, потому что самоубийство Уитмора было действительно необычным. Можно сказать, настолько же необычным, как смерть от удушья во время мастурбации. В «Рэйвен-маунтин» пациентов называли гостя-

ми, а не наркоманами и алкашами, и в каждой палате была своя собственная душевая. Дин Уитмор пошел в душ перед завтраком и хлебнул шампуня. Не для того, чтобы убить себя, а чтобы, так сказать, смазать дорожку. Затем он разломил надвое кусок мыла, одну половинку швырнул на пол, а вторую запихал себе в горло.

Все это мне рассказал Рэнди Сквайез, один из штатных психологов клиники, помогавший алкоголикам и наркоманам избавляться от пагубного пристрастия. Мы с ним сидели в моей «тойоте», и он то и дело прикладывался к бутылке «Уайлд төки», купленной в счет тех пятидесяти долларов, которые дал ему я (да, от меня не укрылась ирония ситуации). Я спросил, не оставил ли Уитмор предсмертной записки.

– Кстати, оставил, – ответил Сквайез. – И очень трогательную. Почти молитву. «Отдавай всю любовь без остатка».

Мои руки покрылись гусиной кожей, но я был в рубашке с длинными рукавами. И я даже сумел улыбнуться. Я мог бы сказать ему, что это не молитва, а строчка из песни «Stand By Your Man», которую пела Тэмми Уайнетт. Но зачем это Сквайезу? Он все равно ничего бы не понял, да мне это было и не нужно. Это был наш с мистером Харриганом секрет.

* * *

На это расследование я потратил три дня. Когда я вернул-

ся домой, папа спросил, хорошо ли прошли мои мини-каникулы. Я сказал, что отлично. Он спросил, готов ли я к возвращению в университет через пару недель. Я сказал, да. Папа внимательно посмотрел на меня и спросил, все ли у меня хорошо. Я сказал, что все хорошо, – и сам толком не понял, соврал или нет.

Отчасти я верил, что Кенни Янко погиб случайно и что Дин Уитмор покончил с собой, возможно, из чувства вины. Я пытался представить, как им обоим явился мистер Харриган и убил и того и другого, – и не мог. Если что-то такое *и вправду* произошло, получается, я был соучастником убийства, если не с юридической, то с нравственной точки зрения. Ведь я желал смерти Уитмору. Возможно, в глубине души я желал смерти и Кенни.

– Ты уверен? – спросил папа. Он по-прежнему смотрел на меня тем самым изучающим взглядом, который я помнил с раннего детства. Папа всегда так смотрел, когда я делал что-то не то.

– На сто процентов, – заверил я.

– Ладно. Но если тебе вдруг захочется поговорить, знай, что я всегда рядом.

Да, слава Богу, он был со мной. Но есть вещи, которые нельзя рассказать даже самому близкому человеку. Если не хочешь, чтобы тебя приняли за сумасшедшего.

Я пошел в свою комнату, открыл шкаф и взял с полки старый айфон, который отлично держал заряд. Я сам не понял,

зачем его взял. Может быть, я собирался позвонить мистеру Харригану в могилу и сказать «спасибо»? И спросить у него, точно ли он пребывает в могиле, а не где-то еще? Честно говоря, я не помню, и, наверное, это не важно, потому что я ему не позвонил. Когда я включил телефон, там было сообщение от **pirateking1**. Я открыл его, ткнув дрожащим пальцем в экран, и прочел: **ККК сТ**.

Глядя на эти буквы, я вдруг подумал – раньше это не приходило мне в голову, а теперь вот пришло, почему-то только сейчас: а что, если своими звонками я держу мистера Харригана как бы в заложниках? Что, если я привязал его к этому миру, к моим земным горестям и заботам посредством айфона, который положил во внутренний карман его пиджака за пару минут до того, как закрылась крышка его гроба? Что, если те вещи, о которых я его просил, причиняют ему страдания? Может быть, даже мучения?

Хотя нет, это вряд ли, подумал я. Вспомни, что говорила миссис Гроган о Дасте Билодо. Она сказала, что когда он украл деньги у мистера Харригана, то не смог бы устроиться даже чернорабочим на ферму Дорранса Марстеллара, чтобы сгребать куриный помет. Его нигде не брали на работу. Мистер Харриган лично за этим проследил.

Да, и было еще кое-что. Она сказала, что он был честным, порядочным человеком, но не дай бог, если ты сам не таков. Был ли Дин Уитмор порядочным человеком? Нет, не был. А Кенни Янко? Уж точно нет. Так что, может быть, мистер

Харриган разделался с ними с большим удовольствием. Может быть, ему даже понравилось.

– Если с ними разделался именно он, – прошептал я.

Да, именно он. В глубине души я это знал. Как знал и то, что означает его сообщение: *Крейг, стоп*.

Потому что я вредил ему или вредил самому себе?

Я решил, что по сути это не важно.

На следующий день пошел дождь, уже по-осеннему холодный ливень, означавший, что через пару недель листья на деревьях начнут желтеть и лето скоро закончится. Дождь пошел очень вовремя, потому что все отдыхающие – те, кто еще не разъехался, – сидели по своим съемным домам и гостиничным номерам и на озере Касл не было ни души. Я поставил машину на стоянке у северной оконечности озера и пошел на Утесы, как их называли все местные мальчишки, – высокие скалы у самой воды, на которых мы часто стояли в плавках, поднабивая друг друга нырнуть. Кто-то даже нырял.

Я подошел к самому краю обрыва, где ковер из сосновых иголок уступал место голым камням, каковые суть истинное основание Новой Англии. Я вынул из правого кармана брюк мой первый айфон и на секунду стиснул его в руке, вспоминая, как обрадовался в то рождественское утро, когда развернул свой подарок и увидел коробку с эмблемой «Эппл». Наверное, я закричал от радости? Я уже и не помнил, но скорее всего да.

Батарея все еще держала заряд, хотя он упал до пятидесяти процентов. Я позвонил мистеру Харригану, точно зная, что на Ильмовом кладбище, в темноте под землей, в кармане дорогого костюма, который теперь уже наверняка весь покрылся плесенью, сейчас запоет Тэмми Уайнетт. Я еще раз послушал скрипучий старческий голос, сообщавший, что мистер Харриган перезвонит позже, если сочтет нужным.

Я дождался сигнала и сказал:

– Спасибо за все, мистер Харриган. До свидания.

Я завершил звонок, размахнулся и со всей силы швырнул телефон в озеро Касл. Я видел, как он описал дугу в воздухе на фоне серого неба. Я слышал плеск, когда он упал в воду.

Я запустил руку в левый карман и достал свой теперешний телефон, айфон модели 5С в ярком цветном корпусе. Я собирался зашвырнуть в озеро и его. Я рассудил, что вполне обойдусь городским телефоном, и это значительно упростит мне жизнь. Никакой больше пустой болтовни, никаких идиотских текстовых сообщений из серии **Что поделываешь?**, никаких тупых смайликов. Если после универа я устроюсь работать в газету и мне нужен будет мобильный для связи, я возьму аппарат в прокате и сдам обратно, когда надобность в нем отпадет.

Я уже замахнулся, но так и застыл с поднятой рукой – застыл надолго, может быть, на минуту. Может быть, даже на две. В итоге я положил телефон в карман. Я не знаю наверняка, у всех ли, кто пользуется смартфонами, есть зависи-

мость от этих высокотехнологичных консервных банок, но у меня такая зависимость есть, и я точно знаю, что она была и у мистера Харригана. Собственно, поэтому я тогда и положил телефон во внутренний карман его пиджака. Мне кажется, что сейчас, в двадцать первом веке, посредствомотовых телефонов мы заключаем брак с окружающим миром. Возможно, это не самый удачный брак.

Хотя, может, и нет. После того, что случилось с Янко и Уитмором, после последнего сообщения от **pirateking1** я уже почти ни в чем не уверен. Для начала, в самой реальности. Но я твердо знаю две вещи, и это знание незыблемо, как камни Новой Англии. Я не хочу, чтобы меня кремировали после смерти, и хочу, чтобы меня похоронили с пустыми карманами.

Жизнь Чака

Акт III: Спасибо, Чак!

1

Марти Андерсон увидел рекламный щит буквально перед тем, как окончательно вырубился Интернет. Первые перебои со связью начались месяцев восемь назад, и с тех пор Сеть лихорадило постоянно. Все были согласны, что это лишь вопрос времени, и все были согласны, что мы уж как-нибудь справимся и без глобальной Сети – в конце концов, ведь когда-то же мы без нее обходились! К тому же есть и другие проблемы. Например, массовое вымирание рыб и птиц. Или вот Калифорния: исчезает, исчезает и, наверное, скоро исчезнет вовсе.

Марти вышел из школы позднее обычного, потому что сегодня у него было родительское собрание, самое нелюбимое мероприятие учителей старших классов. На сегодняшнем сборище мало кто из родителей проявил интерес к обсуждению успеваемости (или неуспеваемости) своего малыша Джонни или малышки Дженни. Все обсуждали вероят-

ный крах Интернета, уже окончательный крах, который навсегда сотрет их учетные записи в «Фейсбуке» и «Инстаграме». Никто не упомянул «Порнхаб», хотя Марти подозревал, что многие из родителей, присутствовавших на собрании – не только мужчины, но и женщины, – втайне оплакивали грядущую гибель этого сайта.

Обычно Марти возвращался домой по окружной автострате, раз – и дома, но дорогу закрыли, потому что над Оттер-Криком обрушился мост. Это случилось четыре месяца назад, но никаких признаков ремонта не наблюдалось и по сей день; разве что въезды перегородили бело-оранжевыми деревянными барьерами, которые уже смотрелись обшарпанными и были исписаны всевозможными граффити.

В общем, окружную дорогу закрыли, и теперь Марти, как и всем остальным, кто жил на восточной окраине города, приходилось тащиться через весь центр, чтобы попасть домой на Сидер-Корт. Сегодня благодаря родительскому собранию он вышел с работы не в три, а в пять, в самый час пик. Значит, дорога, которая в старые добрые времена заняла бы минут двадцать, сегодня займет в лучшем случае час. Может быть, даже больше, поскольку многие светофоры тоже благополучно накрылись. Весь город больше стоял, чем ехал, под раздраженное бибиканье, визг тормозов, легкие столкновения бамперами и демонстрации средних пальцев. На пересечении Мэйн-стрит и Маркет-стрит Марти застрял в пробке на десять минут, и у него было достаточно

времени, чтобы рассмотреть рекламный щит на крыше здания Трастового банка Среднего Запада.

Еще вчера там красовалась реклама авиакомпании, «Дельты» или «Юго-западных авиалиний», Марти точно не помнил. Сегодня счастливых улыбочивых стюардесс заменил фотопортрет какого-то круглолицего мужика в очках в черной оправе, под цвет черных, аккуратно уложенных волос. Мужик сидел за столом, держа в руке ручку. Без пиджака, но при галстуке и в ослепительно-белой рубашке. На руке, державшей ручку, виднелся шрам в форме полумесяца, почему-то не заретушированный. Мужчина на снимке, с виду – типичный бухгалтер, радостно улыбался, взирая с крыши высокого здания на дорожную пробку внизу. У него над головой шла надпись большими синими буквами: «ЧАРЛЗ КРАНЦ». Внизу, под столом, красными буквами было написано: «39 ПРЕКРАСНЫХ ЛЕТ! СПАСИБО, ЧАК!»

Марти никогда в жизни не слышал о Чарлзе «Чак» Кранце, но предположил, что тот был большой шишкой в Трастовом банке Среднего Запада, раз его выход на пенсию отметили именной фотографией на освещенном прожекторами рекламном щите размером как минимум пятнадцать на пятьдесят футов. И фотографию наверняка взяли старую, потому что, если человек проработал на одном месте почти сорок лет, он сейчас должен быть седым.

– Или лысым, – пробормотал Марти, пригладив ладонью свою собственную редеющую шевелюру. Минут через пять

у него появилась возможность вклиниться в узкий просвет, на секунду открывшийся в плотном потоке машин на главном городском перекрестке. Он кое-как втиснул свой «приус» в эту тесную брешь, внутренне подобравшись в ожидании столкновения и старательно не обращая внимания на потрясавшего кулаком мужика, который чуть было в него не впилился, но все же успел вовремя затормозить.

На съезде с Мэйн-стрит он опять угодил в пробку – и снова чуть не попал в аварию. К тому времени, когда Марти добрался до дома, он и думать забыл о рекламном щите. Он въехал в гараж, нажал кнопку, закрывавшую дверь, а потом пару минут просто сидел в машине, глубоко дышал и старался не думать о том, что завтра утром ему предстоит ехать в школу через ту же полосу препятствий. Но окружная дорога закрыта, так что выбора нет. Хотя можно вообще не ходить на работу, а взять больничный (которых у Марти и так накопилось изрядно), и конкретно сейчас он к тому и склонялся.

– И я такой не один, – сообщил он пустому гаражу. Он точно знал, что так и есть. Согласно «Нью-Йорк таймс» (которую Марти читал по утрам на планшете, если работал Интернет), прогулы сейчас – распространенное явление во всем мире.

Одной рукой он подхватил стопку книг, другой – свой старый потертый портфель. Портфель, набитый тетрадами на проверку, был тяжелым. Марти выбрался из машины и закрыл дверь пятой точкой. При виде собственной тени, изоб-

разившей на стене что-то вроде движения в зажигательном танце, он расхохотался. И сам испугался собственного смеха; в эти трудные дни смех был в большом дефиците. Затем он уронил на пол половину книг, что положило конец всем зачаткам хорошего настроения.

Марти подобрал «Введение в американскую литературу» и «Четыре новеллы» (в десятом классе сейчас проходили «Алый знак доблести») и вошел в дом. Едва он сгрузил свою ношу на кухонный стол, зазвонил телефон. Разумеется, стационарный; мобильной связи сейчас почти не было. Марти не раз тихо радовался, что не отказался от стационарного телефона. В отличие от многих своих коллег, которые перешли исключительно на мобильные. Эти ребята попали крепко: подключить городской номер за последний год... забудьте об этом. Раньше восстановят разрушенный мост на окружной дороге, чем ты дождешься, когда подойдет твоя очередь, и даже стационарная телефонная связь теперь постоянно сбояла.

Определитель номера уже давно не работал, но Марти и так знал, кто звонит. Он взял трубку и сразу сказал:

– Привет, Фелисия.

– Где тебя носит? – спросила бывшая жена. – Я пытаюсь тебе дозвониться уже целый час!

Марти рассказал о родительском собрании и о долгой дороге домой.

– У тебя все нормально?

– Будет нормально, как только поем. Как ты сама, Фели?

– Да вроде справляюсь, но сегодня у нас еще шестеро.

Марти не стал переспрашивать, что за шестеро. Все и так было ясно. Фелисия работала медсестрой в главной городской больнице, где медицинский персонал теперь называл себя Бригадой Самоубийц.

– Сочувствую.

– Примета времени.

Он буквально увидел, как она пожимает плечами, хотя два года назад – когда они еще были женаты – шесть самоубийств за день лишили бы Фели покоя и сна. Но, кажется, человек ко всему привыкает.

– Марти, ты принимаешь лекарство от язвы? – Не дожидаясь ответа, она быстро продолжила: – Я не придираюсь. Просто я за тебя беспокоюсь. Если мы развелись, это не значит, что мне все равно.

– Да, я знаю. И я принимаю лекарство. – Он сказал правду, но не всю правду, потому что прописанный доктором «Карафат» было уже не достать и пришлось перейти на «Прилосек». Однако Марти не стал уточнять, чтобы не волновать Фели. Потому что ему тоже было не все равно. На самом деле после развода их отношения стали гораздо лучше. У них даже случался периодический секс, хоть и не частый, зато чертовски хороший. – Мне приятно, что ты за меня беспокоишься.

– Правда?

– Да, мэм. – Он открыл холодильник. Выбор был небогат, но еще оставались сосиски, немного яиц, баночка черничного йогурта, который Марти решил приберечь на перекус перед сном. И три банки пива.

– Хорошо. Много родителей пришло на собрание?

– Больше, чем я ожидал, но меньше обычного. В основном говорили об Интернете. Они почему-то решили, что я должен знать, почему он лагает. Приходилось постоянно им напоминать, что я учитель английского, а не айтишник.

– Ты же знаешь о Калифорнии, да? – Она понизила голос, словно это был большой секрет.

– Ага.

Утром случилось очередное землетрясение, уже третье за месяц и самое мощное из трех, в результате чего еще один громадный кусок Золотого штата обрушился в Тихий океан. Хорошая новость: почти всех жителей того региона успели эвакуировать. Плохая новость: сотни тысяч беженцев устремились на восток, так что Невада стала одним из самых густонаселенных штатов. Бензин в Неваде стоит уже двадцать баксов за галлон. Оплата только наличными, при условии, что он вообще есть на заправке.

Марти схватил полупустую бутылку молока, понюхал и отпил прямо из горлышка, несмотря на чуть подозрительный запах. Хотелось выпить чего-нибудь крепкого, но он знал по горькому опыту (и бессонным ночам), что сперва надо что-то закинуть в желудок.

Он сказал:

– Кстати, родители, которые все же пришли на собрание, больше переживали за Интернет, чем за калифорнийские землетрясения. Наверное, потому, что главные зерновые районы пока еще держатся.

– Да, но как долго они продержатся? Я слышала, какой-то ученый на Эн-пи-ар говорил, что Калифорния отслаивается, как старые обои. И в Японии затопило еще один реактор, сегодня днем. Сообщают, что его отключили и все хорошо, но мне что-то не верится.

– Ты циничная женщина.

– Мы живем в циничные времена, Марти. – Она замаялась. – Кто-то считает, что близится конец света. И не только религиозные психи. Уже не только. Это тебе говорит действительный член Бригады Самоубийц в главной городской больнице. Сегодня мы потеряли шестерых, но еще восемнадцать мы вытащили. Преимущественно благодаря «Налоксону». Но... – Она снова понизила голос. – Запасы почти на исходе. Я случайно подслушала, как старший фармацевт говорил, что к концу месяца ничего не останется.

– Это очень хреново, – отозвался Марти, глядя на свой портфель. Все эти задания, которые надо проверить. Все орфографические ошибки, которые надо исправить. Все придаточные предложения, обособленные как попало, все невнятные выводы, которые только и ждут, чтобы их подчеркнули красным. Компьютерные помощники вроде спелл-

чекера и многочисленных приложений для проверки правописания явно не помогают. Он еще даже не начал проверку работ, а уже чувствовал себя выжатым как лимон. – Слушай, Фели, мне надо заняться делами. Проверить контрольные и сочинения по «Починке стены». – Он представил всю мутовень, с которой ему предстояло разбираться в этих сочинениях, и почувствовал себя стариком.

– Хорошо, – сказала Фелисия. – Я позвонила... просто поболтать.

– Вас понял. – Марти открыл буфет, достал бутылку бурбона, но не стал наливать сразу. Решил дождаться, когда Фели положит трубку, иначе она услышит звук льющейся жидкости и сразу поймет, чем он тут занимается. У жен хорошо развита интуиция; у бывших жен интуиция работает, как высокочувствительный радар.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.